

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

ЧУДО В ПУШИСТЫХ
ПЕРЬЯХ

Татьяна Викторовна Полякова
Чудо в пушистых перьях
Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123477
Чудо в пушистых перьях: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16204-6, 5-699-00110-7, 5-699-03837-X*

Аннотация

Быть красивой приятно, но и опасно. Что хорошего, если за тобой ухаживают три лучших киллера города? Явно добром это не кончится. Вот и ломает голову Василису Щербинцева, как ей избавиться от повышенного внимания криминалитета, тем более, что внимание это в последнее время стало просто угрожающим. А после того, как Василиса обнаружила на своей кухне труп - жизнь ее повисла на волоске...

Содержание

Татьяна Полякова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Татьяна Полякова

Чудо в пушистых перьях

Моему сыну Родиону в день восемнадцатилетия.

Не ищи в жизни подвигов, они тебя сами найдут.

Ступенька стремительно приближалась к моей физиономии. Я слабо охнула и выставила руки перед собой (это единственное, что я могла сделать в данной ситуации), локти вывернулись в разные стороны, глаза сошлись у переносицы, а нос коснулся ступеньки лестницы, но без особого для меня ущерба. Я невнятно произнесла что-то в высшей степени неприличное и попробовала приподняться, уцепившись рукой за перила.

Подъем я осуществляла поэтапно и для начала села, вцепившись все в те же перила. Закрыв один глаз и прищулив другой, я смогла различить стену напротив с надписью на ней «Оля дура», а чуть ниже «Витя козел» и с тоской вздохнула: выходит, я еще в районе первого этажа. До квартиры оставалось два пролета. В моем теперешнем состоянии путь практически непреодолимый, однако ночевать на лестнице я тоже не могу. Надо собраться с силами и подняться.

Слабо постанывая и держась за перила, я поднялась, но тут же поняла, что это была плохая идея. Мое туловище,

независимо от меня, начало вращаться, я выдала еще что-то неприличное и поспешно приземлилась на четвереньки. Туловищу сразу стало легче, и голове тоже. Выбирать не приходилось, и я начала подъем, медленно переставляя руки и ноги и приговаривая:

– Ничего, глаза страшатся, руки делают... дойдем, должны дойти... – Таким образом я достигла лестничной клетки и ненадолго прилегла. Мысли начали путаться, клонило в сон, я сказала себе: – Позади Москва, отступить некуда. – Так обычно приговаривал папуля, открывая третью бутылку. Я подумала, что папуля прав: пьянство – это вам не фунт изюма, пьянство – это судьба, если хотите – крест, и его надо как-то нести, то есть доволочь хотя бы до своей квартиры.

Я вновь начала подъем, счастливо улыбаясь, потому что отсюда уже была видна дверь моей квартиры. Но тут над головой что-то хлопнуло, а буквально через секунду в нос мне уперлось что-то влажное и теплое. Я скосила глаза и увидела перед собой лохматую морду, слабо охнула, кто-то жалобно заскулил над самым моим ухом, и я сообразила, что передо мной соседский пес Келли. Я очень смутилась, потому что где Келли, там и его хозяин, Сашка Осипов, а являться его очам в том виде, в котором я пребывала в настоящий момент, мне очень не хотелось.

Слезы навернулись на глаза, когда я услышала Сашкин голос:

– Василиса, ты чего здесь? Потеряла что-нибудь?

– Ага, – жалобно кивнула я и мысленно прошипела: «Немедленно, слышишь, немедленно поднимись с четверенек...» Но не тут-то было, я это поняла сразу, а Сашка чуть позднее. Он наклонился ко мне, присвистнул и заявил:

– Ничего себе... Ты где ж так нализалась?

– Юбилей, – пробормотала я, – двадцать пять лет...

– Тебе? – удивился он.

– Не-а, – отчаянно замотала я головой, потому что считала себя значительно моложе. – Подруге...

– Вот оно что... Чего ж не проводил никто?

– Проводил, – с третьей попытки произнесла я. – Он у подъезда лежит. Не наступи, когда будешь выходить.

– Понятно, – хихикнул Сашка и поднял меня, подхватив под локти. Я благодарно прильнула к его плечу и ненадолго затихла. – Давай потихоньку, подняла ножку, опустила... хорошо получается, – приговаривал Сашка, направляясь со мной к двери квартиры. Теперь на моих глазах выступили слезы благодарности. Сашка мне нравился уже семь месяцев, до этого я обращала мало внимания на соседа, а тут как-то у него Келли заболел, и Сашка обратился ко мне, потому что я ветеринар. Я заглядывала к ним по вечерам сделать Келли укол, ну и с Сашкой чаю выпить, а потом он пригласил меня в ресторан, потому что деньги за лечение пса я брать отказывалась: мы ведь соседи, и к Келли я испытывала самые нежные чувства.

Вернувшись из ресторана, мы обнаружили возле Сашки-

ной двери рыжую девуцу с очень злющим лицом. И хоть потом Сашка говорил, что рыжая – пройденный этап, к тому же не любит собак, но я не поверила и по вечерам к нему больше не заглядывала. Когда же сосед навевался ко мне, तो ропилась избавиться от него под любым благовидным предлогом, потому что неоднократно видела, как рыжая выходит из нашего подъезда. Я считала Сашку вруном и бабником, хотя он мне от этого меньше нравиться не перестал, но я сама себе рекомендовала держаться от него подальше. И держалась. И вдруг такая незадача: надо было нарваться на него, когда я в таком состоянии. И добро бы я этим делом злоупотребляла, ни-ни, я вообще пью редко и, как правило, только пиво, а сегодня я так отчаянно напилась исключительно из-за галлюцинаций. Галлюцинации начались где-то в середине вечера и потом уже не кончались, то есть не они не кончались, а мое скверное самочувствие и беспокойство.

Но лучше я все расскажу по порядку, чтоб было понятно. В общем, так. У моей подруги Людки Самохиной был день рождения. Само собой, она решила его отметить, ну и назвала гостей с три короба, но не к себе в квартиру, а в студию. Студия ее располагалась на первом этаже старинного дома в самом центре города, здесь когда-то жила Людкина бабушка. Бабушка умерла, квартира досталась моей подружке, она поломала все перегородки и устроила студию, потому что считала себя художником. Говорю «считала», оттого что живописью ее подвиг заняться мой папуля. Людка с самым се-

рзным видом по сию пору зовет его «учителем» и дважды в месяц вместе с ним медитирует, уходя в астрал, и подолгу оттуда не возвращается, чем очень меня тревожит. Один придурок вот так однажды ушел, а назад не вернулся, где-то там заплутавшись. У папули были неприятности, не то чтобы серьезные, но все равно были. Позднее, правда, выяснилось, что дядька умер вовсе не от медитации, а от алкогольного отравления (попросту говоря, водка была «паленой»), но меня медитация с тех пор начала беспокоить. Я несколько раз намекала Людке, что она ей, по большому счету, ни к чему, раз пишет Людка исключительно цветы в горшках. Ей стоит быть ближе к природе, выезжать на пленэр и все такое, а не сидеть истуканом на коврике, закатив глаза. Людка меня не слушала и продолжала сидеть истуканом.

Раз в неделю я сопровождала ее в художественный салон, куда она сдавала свои полотна. Перед самым днем рождения мы заглядывали в салон раз пять, Людка работала как лошадь, только успевай картины в рамы вставлять, а раскупались они весьма неплохо. Во-первых, цветочки всегда выходили нарядными, во-вторых, рамки были красивыми, а в-третьих, просила за них Людка копейки, а широкой общественности нравятся незабудки на подоконнике. В общем, к моменту торжества на руках у Людки оказалась приличная сумма, и она решила разгуляться.

Народу в студию набился целый табун, что и неудивительно, художники – они ведь чокнутые, мне это доподлинно из-

вестно, раз у меня папуля художник. Пива было много, а водки и того больше, а из закуски только вобла; все очень быстро перезнакомились, и началось настоящее веселье. Людка сунула мне стакан в руку, до середины наполненный водкой, и сурово сказала:

– До дна. За мое здоровье.

Меня перекосило от одной мысли, что все это придется выпить, но Людка смотрела на меня укоризненно и даже напомнила, как прошлым летом держала кота, когда я ему вытаскивала занозу. В общем, пришлось выпить. Людка торопливо протянула мне бутылку пива, шепнув:

– Запей.

Я запила, и после этого у меня начались видения. Я совершенно отчетливо увидела на диване возле окна папулю и, как примерная дочь, подошла поздороваться с ним.

– Привет, папа, – сказала я. Он не отозвался. Родитель мог в тот момент медитировать, ну, я и подошла к Людке, говорю: – Ты, оказывается, папулю пригласила?

А она мне:

– Приглашала, но учитель не пришел.

– Как не пришел, когда он на диване сидит?

– Где? – спрашивает Людка. Я тычу пальцем в диван, то есть в папулю, а подруга качает головой: – Там никого нет.

– Как это «никого»? – заволновалась я.

– А так, – ответила подруга и потопала к подоконнику, где стояла водка. Малость разволновавшись, я подхватила

под руку какого-то парня и спросила, сидит кто-нибудь на диване или нет.

– Нет, – ответил он и был совершенно прав, потому что к тому моменту там действительно никто не сидел.

Я стала высматривать папу в толпе и волноваться все больше. За этим занятием меня застал Севка Матвеев, тоже художник. Выслушав мои сомнения, он загнул что-то насчет астральных тел, сунул мне стакан в руки и сказал:

– Выпей, полегчает.

Я повертела стакан в руке и выпила, но легче не стало. Папуля начал являться мне в толпе и тут же исчезать. То есть он плавно кружил по студии, но я за ним не поспевала, а когда спрашивала о нем знакомых, мне дружно отвечали, что папули здесь нет. Я беспокоилась все больше и больше, а лекарство от беспокойства мне предлагали только одно. Где-то через пару часов, обнаруживая папу в толпе, я весело хихикала и подмигивала ему, а он скользил как тень, не реагируя на присутствующих, пока окончательно не исчез часам к десяти.

Я присела на подоконник и малость вздремнула, а открыв глаза, увидела возле подъезда милицейскую машину и забеспокоилась, хотя до одиннадцати времени было достаточно, а соседи Людки к шумным сборищам привыкли. Не успела я как следует осмыслить происходящее, как обнаружила рядом с собой парня лет двадцати восьми, очень приятной внешности. Пьян он был в меру, а улыбался так зазывно, что

я с ходу поверила, когда он сказал:

– Я влюбился с первого взгляда.

И только уточнила:

– В кого?

– В тебя, естественно. Весь вечер глаз не свожу.

«Очень может быть», – подумала я. Занятая поисками в толпе папулиного астрального тела, я многое что могла пропустить.

– Потанцуем? – предложил он, и я кивнула. Парня звали Володя, он пришел с другом, а друг куда-то исчез. Лично меня это не удивило, раз папуля тоже исчез, точнее, и не появлялся даже, если верить Людке.

– Надо выпить за именинницу, – заорал кто-то, и я выпила, уже не сопротивляясь.

Потом мы только и делали, что пили за именинницу, перемежая это занятие танцами. С каждым разом водка вызывала у меня все меньше отвращения, а под конец я просто брала стакан из чьих-то рук и пила ее как воду. Правда, длилось это недолго. Очень скоро я оказалась на полу возле углового окна, рядом дремал Володя, пристроив голову на моем плече, и я подумала, что вечеринка удалась и пора отсюда сматываться. Но решить было гораздо легче, чем сделать. Я слабо шевельнулась и попыталась встать. Совершенно неожиданно мне на помощь пришел Володя, оказалось, он не только может встать сам, он еще умудрился поднять меня, и мы побрели к выходу, держась друг за друга. Тут подскочила Люд-

ка и проблеяла:

– На посошок... – И я, конечно, выпила, потому что поняла: сто грамм уже практически ничего не решат, а мой спутник, взяв стакан из Людкиных рук, принялся икать и икал так долго, что Людке надоело ждать и она ушла. Володя сунул стакан бредущему мимо нас парню с копной волос и серьгой в ухе, величиной с куриное яйцо, мы наконец покинули студию и вскоре оказались на улице.

Тут выяснилось, что на вечеринку Володя прибыл на машине, она стояла в переулке. Я оказалась перед нелегким выбором: либо рискнуть и отправиться домой с подвыпившим водителем (Володя казался мне именно подвыпившим, потому что крепко держал меня за локоть и практически не раскачивался), либо идти пешком, потому что ни один таксист в здравом уме меня не повезет. Второй вариант казался мне гораздо опаснее первого, ведь ясно было, что до дома мне не дойти, это ж четыре троллейбусные остановки, а у меня хватит сил только-только добраться до угла.

Чем больше я смотрела на Володю, тем трезвее он мне казался; в общем, я согласно кивнула, и мы пошли к машине. Вскоре я смогла повалиться на заднее сиденье, благодарно икнула и затихла, а в себя пришла только возле своего дома, и то после того, как Володя потряс меня за плечо и прокричал на ухо:

– Василиса, это твой дом?

Пятнадцать минут мы потратили на выяснение данно-

го обстоятельства. То мне казалось, что дом точно мой, то вдруг появлялись сомнения. Володя предложил спросить у кого-нибудь, вышел из машины, вынул меня, и мы направились к подъезду. Тут случилось непредвиденное. То есть я-то как раз могла бы это предвидеть, если б была в здравом рассудке, но здравым он не был, оттого про ступеньку я забыла, а Володя о ней, само собой, вовсе не знал. Он споткнулся, пролетел немного по касательной и грохнулся в трех шагах от подъезда, тукнувшись головой о ту самую ступеньку, но с другой стороны, и жалобно застонал.

Я нашла его на ощупь и заплакала, а он попросил:

– Помоги встать.

Я очень хотела помочь ему, но не могла. Тогда он попросил воды. Я пообещала достать и с этой целью вошла в подъезд, с намерением быстренько подняться в квартиру и взять минералки. А еще лучше – прихватить Юрасика, ежели тот еще не успел набраться до такой степени, что уже не может ходить, вместе с ним вернуться за Володей и оказать ему необходимую помощь.

Планы у меня были наполеоновские, но на пути их осуществления встала лестница, то есть она не вставала, она здесь была всегда, раз живу я на втором этаже. На преодоление нескольких ступенек я потратила столько сил, что начала забывать, куда и зачем я так тороплюсь, а потом встретила Сашку. Мое желание выглядит трезвее, чем я была, сыграло злую шутку, на симуляцию вертикального положения

при ходьбе ушли последние силы, облик Володи, отчаянно нуждавшегося в помощи, отступил, затем начал стремительно удаляться все дальше и дальше, пока окончательно не исчез из моего сознания.

Между тем мы с Сашкой под жалобное поскуливание Келли (пес сочувствовал мне изо всех сил) достигли моей двери, и Сашка спросил:

– Ключи есть?

– Нет, – коротко ответила я.

– Как нет? А где они?

Я невнятно что-то промычала. Сашка собрался нажать кнопку звонка, но тут я толкнула плечом дверь, и она распахнулась. Я с облегчением вздохнула, потому что Варвара не любит, когда ее будят по ночам, а то, что сейчас ночь, было совершенно ясно, хотя я и затруднялась ответить почему.

В общем, я влетела в квартиру, Сашка вошел вслед за мной. Келли залаял, так как я нечаянно наступила ему на лапу, Варвара проснулась и зычно крикнула:

– Да когда вы прекратите безобразничать?

Мы в ужасе замерли и к моей комнате уже пробирались на цыпочках. Келли вообще выскочил из квартиры и ждал на пороге, потому что здорово боялся Варвару.

Ключ от моей комнаты лежал под ковриком, Сашка, прислонив меня к стене, достал его, открыл дверь и поволок мое бесчувственное тело к софе. Увидев ее, я в последнем проблеске сознания радостно хихикнула, потому что поняла: я

достигла тихой пристани, теперь на окружающее можно не реагировать. Сашка стал раздевать меня, приговаривая:

– Ох, как плохо тебе будет завтра...

А я ответила:

– Мне и сегодня плохо... – Окончательно отключилась и должна была бы беспробудно спать до утра, но выпитое пиво этого не позволило. Пришлось просыпаться. Я в отчаянии застонала, нащупала рукой колокольчик, дернула за него, и над моей головой включилось бра, а я застонала еще громче. На эти действия ушли все мои силы, а еще ведь предстояло подняться и как-то дойти до туалета.

Сказав себе: «Есть такое слово – «надо», я поднялась, подхватила халат жестом фокусника и, натыкаясь на все, что встретилось на пути, перебежками отправилась к туалету. Выключатель куда-то запропастился. По крайней мере нащупать его я так и не смогла, влетела в туалет, хлопнулась на унитаз и тут увидела, что прямо напротив в кухне за моим столом сидит какой-то мужик и тарасит на меня глаза.

– Пардон, – пробормотала я и поспешно закрыла дверь, оказавшись в кромешной тьме. То, что на кухне сидит незнакомец, в принципе меня не удивило. Кроме бабки-соседки, которую я прозвала за дурной нрав Злой Варваркой, в квартире жил еще одинокий пьяница Юрик. От рода Юрику было лет тридцать, хотя на вид все пятьдесят, пил он горькую с малолетства, причем так отчаянно, что соседи предрекали ему близкую кончину еще лет пять назад, но Юрику на это

было наплевать. Он пил все больше и, с моей точки зрения, здоровел на глазах. Когда я сюда только-только вселилась, он выпивал бутылку водки и скатывался под стол вместе с ней, а теперь мог запросто усидеть две, а то и три, если, конечно, находились дураки ему поднести эти бутылки. Юрий принципиально нигде не работал, собирал макулатуру, летом ездил за ягодами, осенью за грибами и картошкой, а к Новому году за елками и таким образом существовал вполне сносно. К тому же он имел золотые руки и в нашем доме, жильцы которого были почти сплошь либо одинокими старушенциями, либо разведенными молодухами, пользовался бессрочным кредитом.

Гостей Юрий очень любил, оттого почти каждый вечер в нашей кухне кто-нибудь засиживался до тех самых пор, пока Злая Варварка не появлялась там и, уперев руки в бока, не вопрошала гневно:

– Когда же кончится это безобразие? – После чего гости поспешно удалялись. Надо сказать, Варвару боялись не только соседи, но и наш участковый. Так что удивило меня не то, что мужик сидит себе за моим столом (Юрий часто путал столы, а мой действительно расположен удобнее, опять же вид из окна), а то, что мужик сидит один, без моего соседа.

Немного поразмышляв над этим, я пришла к выводу, что Юрий отправился за бутылкой, а гость терпеливо ждет его, и застыдилась, что человек застал меня не в лучший момент моей жизни. Я подумала: может, стоит задержаться в туале-

те подольше, чтоб он обо мне забыл, но испугалась, не сделать бы хуже – вдруг я, к примеру, усну, а гостю понадобится в туалет. В общем, стыдясь и краснея, я выскользнула из туалета, покосилась в сторону гостя и, буркнув «здрасьте», шмыгнула к своей двери. Мой взгляд успел зафиксировать бутылку водки, стоявшую на столе. Это меня слегка удивило: раз водка здесь, то где ж тогда Юрик? Тут он и появился из своей комнаты в трусах и майке, надетой задом наперед.

– Ты что, забыл про гостя? – спросила я и, не дожидаясь, что ответит сосед, прошла в комнату, рухнула на софу и блаженно вздохнула.

Но проклятое пиво вскоре вновь дало знать о себе, и я опять побрела в туалет. Едва покинув комнату, я услышала голос Юрика:

– Ну, вот значит, я ей говорю, Надька, говорю я ей, ты ж дура, прости господи, и куда ты все лезешь... – Куда лезла Надька, я так и не узнала, потому что достигла туалета, а Юрик, сидя за столом напротив своего гостя, обернулся, увидел меня и радостно закричал: – Это Василиса, соседка моя... Васена, иди, посиди с нами...

– Отвянь, – ответила я, прикрыв дверь, но, возвращаясь к себе, отметила, что на столе, кроме двух стопок, появились хлеб, огурцы и грибы в банке. Ни у меня, ни у Юрика солений не водилось, значит, позаимствовал он все это в холодильнике у Варвары. Завтра бабка будет гневаться, грозить милицией, а меня позовет в свидетели того, что так дальше

жить нельзя.

Я покачала головой, думая об утре, которое неминуемо наступит, и твердо решила не просыпаться как можно дольше. Но мечтам моим не суждено было сбыться. Только мне стало сниться что-то приятное и далекое от моей коммуналки, как вдруг меня встряхнули за плечи, а потом над моей головой зажегся свет и Юркин голос отчаянно забормотал:

– Васька, да просыпайся ты... Бабка ругается, давай убирай своего гостя.

– Какого гостя? – испугалась я.

– Почему я знаю? Я уж и так, и эдак, а он молчит и, главное, ничего не пьет. Что с таким делать, скажи на милость? Я почестному ему оставил. Не скажу, что половину, нет, врать не буду, ты ж знаешь, я человек правдивый, я всегда как есть... но и не на доньшке... оставил, в общем... А он сидит... и молчит, и не пьет. Скажи, как такое вынести? А тут еще Варвара со своими грибами пристала, дались ей грибы. Грибов я, что ли, никогда не видел. Да я этих грибов, если хочешь знать, каждый год по полтонны на рынок таскаю, а она удивила – грибы... Вот до чего бабка у нас вредная...

– Юрик, тебе чего надо? – промычала я.

– Как чего? Говорю, бабка наша разгневалась за грибы эти, грозилась милицию вызвать. Я вот и подумал: а ну как вправду вызовет? В общем, убирай своего гостя.

– Какого гостя? – ошалела я.

– Ну, мужика, что с тобой пришел.

– Да никто со мной не... – начала я, и тут из глубины моей памяти выплыл облик Володи, и я даже вспомнила, что собиралась с помощью Юрика занести его в квартиру. Может, и занесла, только этот момент из памяти стерся. – А где он? – спросила я, с трудом принимая вертикальное положение.

– На кухне ждет, – с готовностью ответил Юрик. Я пошарила рукой по постели в поисках халата, с тоской обвела глазами комнату, уже поняв, что подниматься все-таки придется, а вот как сделать это половчее, я не представляла.

– Как же плохо-то, – пробормотала я.

– Кому? – удивился Юрик.

– Мне, – вздохнула я.

– А чего тебе плохо?

– Ничего. Лучше помоги подняться.

Сосредоточиться на Юркиной физиономии мне было крайне затруднительно. Я взирала на него одним глазом, да и то напряженно щурясь. Оттого различала его плохо, потому-то и решила, что он трезвее меня. Я поднялась с постели, оперлась на его руку, и вот тут выяснилось, что Юрик, что называется, на ногах не стоит. Под моей тяжестью он согнулся сначала влево, потом начал заваливаться на спину, а еще через мгновение мы лежали на полу, довольно громко выражая недовольство таким поворотом событий.

Я прикрыла глаза и подумала, что с пола мне уж точно не подняться, и если Володю мы в самом деле занесли в квартиру и он в настоящий момент сидит на кухне, то пусть там и

продолжает сидеть, даже если Злая Варварка начнет вопить на весь дом и грозить милицией. Помочь Володе я просто не могу.

Я перевернулась на бок, пытаюсь устроиться поудобнее, и тут увидела Варварку. Не увидеть ее было невозможно, раз она склонилась к самому моему лицу и трясла меня за плечи.

– Васька, – рычала она, – открой глаза, слышишь?

– Открыла, – пробормотала я, симулируя прозрение. Бабка начала трясти меня с удвоенным рвением. – Васька, да ты пьяная, что ли?

– Конечно, пьяная, – обиделась я. – Чего б мне тогда на полу валяться?

– А этот, на кухне, правда твой?

– Кто? – спросила я, пытаюсь выиграть время.

– Мужик.

– Не знаю, – не рискнула я соврать. – Может, мой, а может, нет. Я его еще не видела.

– Ее, – пискнул Юрик и попытался подняться. Бабка в сердцах пнула его ногой, и он ненадолго затих.

– У, алкаш проклятый, – зашипела она. – Всю дрянь в дом тащит... Васька, ты одна пришла или с мужиком этим? Давай вспомни, а то милицию вызову, вот ей-богу вызову...

– Зачем? – удивилась я.

– Затем. Нечего кому попало на кухне спать. Если с тобой мужик, забирай в свою комнату, а нет, я его в вытрезвитель сдам.

– Зачем? – опять спросила я, не очень вслушиваясь в слова соседки.

– Чтоб не шастали. Иди и посмотри, твой или нет.

– Я бы пошла, да не могу, – вздохнула я.

– Что ты придуриваешься? – рассвирепела Варвара, а я с тяжким вздохом приняла вертикальное положение, то есть села на пол и попробовала смотреть на мир сразу двумя глазами. Рядом со стоном приподнялся Юрик и сказал обреченно:

– Васена, соберись с силами, мужика спасать надо, ведь эта мымра... – За «мымру» он тут же схлопотал от Варвары подзатыльник и затих, втянув голову в плечи, а я разозлилась и рывкнула:

– Руку дай...

По всему выходило, что спасти мужика мне придется, и это в моем состоянии. Я даже не была уверена, что мужик этот мой, а не приبلудился без моего на то желания. Варвара подала руку, и я смогла подняться. Нетвердой походкой я направилась в кухню, Юрик последовал за мной. Руки ему никто не подал, и передвигался он на четвереньках, но очень прытко и не без удовольствия. Однако обоих нас обошла Варвара, и в кухне она появилась первой. Она ткнула пальцем в сидящего за столом мужика и громко рывкнула:

– Твой?

Я подошла поближе, облокотилась на стол и сказала, заглядывая под шляпу:

– Здравствуйте.

Мужчина не ответил, тараща в пространство глаза без всякого толку. И это слегка насторожило – не меня, бабу. Она приблизилась, ткнула его пальцем в плечо и прошептала:

– Да он никак помер...

– С чего бы это ему помереть? – удивился Юрик, сидя на полу в позе лотоса. – Нормально сидит мужик...

– Васька... – пискляво зашептала бабу. Я бы решила, что она испугалась, если б доподлинно не знала: наша бабу никого и ничего не боится, наоборот, это при ее появлении вся округа трепещет, особенно наш участковый. – Ты глянь-ка, Васька, у него и руки холодные. Ты пощупай...

– Больно надо, – насторожилась я и попыталась присмотреться к мужчине получше.

– Глаза-то как тарасит, – не унималась Варвара, – не иначе подавился. Водкой. Облопался, прости господи... Может, «Скорую»? Васька, да ты слышишь ли?

– Слышу, – кивнула я, потому что в самом деле слышала, а вот видела плохо. То есть картинка была, но до сознания упорно не доходила. – Он живой, – пробормотала я, чтоб бабу наконец перестала визжать. У меня от этого звенело в ушах и голова начинала болеть еще больше.

– Живой, – подтвердил Юрик, – мы с ним выпивали...

– Живой? – не поверила бабу. – Хорошо, если так. Хоть бы моргнул, ирод, ишь, глаза-то выкатил...

– У него этот... столбняк, – подсказал Юрик, который, в отличие от меня, чувствовал себя отлично. Этот факт я могла объяснить только его постоянной тренировкой.

– Столбняк, – взъелась бабка, – чтоб у тебя столбняк был, пьянь ты подзаборная. – Тут она вновь переключилась на меня. – Твой мужик или нет?

На этот вопрос я так просто ответить не могла. С одной стороны, никого в плаще и шляпе я с ходу не могла вспомнить, с другой – физиономия с выпученными глазами казалась знакомой, и я даже подумала, что зовут парня Коля, о чем не преминула сообщить бабке. Но откуда Коля взялся на моей кухне – я не представляла. Во мне даже крепла уверенность, что делать ему здесь нечего, и я опять-таки прямо заявила об этом бабке. Тут я вспомнила о Володе и обвела кухню ищущим взглядом.

– А больше здесь никого нет? – спросила на всякий случай.

– Есть, – обрадовался Юрик.

– Где?

– Здесь... – Он широко улыбнулся, а бабка принялась голосить:

– Вы долго мне нервы трепать будете? Ладно, этот поганец, а ты что делаешь? – сурово спросила она, а я погрозила пальцем.

– Тихо. Я вспоминаю.

– Чего ты вспоминаешь?

– Откуда он взялся, разумеется.

– О, господи... – Варвара воздела руки к потолку и коленом двинула Юрику по спине, тот охнул и попросил:

– Васька, вспоминай быстрее...

Однако к этому моменту путеводная нить, то есть мысль, была мною полностью утрачена, и парень в шляпе не вызывал у меня ничего, кроме недоумения.

– Ты мне скажешь или нет? Он с тобой пришел? – не унилась бабка.

– Не знаю, – вздохнула я. – Я пришла с Сашкой.

– С каким Сашкой? – насторожилась она.

– С соседом, естественно.

– А этот?

– Да чего вы ко мне пристали? Я хотела с Володей прийти, а это Коля. С ним я не приходила. Он мне даром не нужен, я даже не помню... – Тут в голову мне неожиданно пришла мысль, что и Володю я помню крайне смутно, то есть, сиди он сейчас передо мной, и вот так, с налета, я и не скажу, он это или нет. А может, я все путаю, и парень в шляпе никакой не Коля, а самый что ни на есть Володя... – Пусть до утра сидит, – решила я. – Утро вечера мудренее.

И тут наш гость совершенно неожиданно рухнул на пол, причем с таким громким стуком, что мы разом вздрогнули.

– Я его только за плечо дернула, – испугалась бабка, а мы кивнули, таращась на лежащего парня, ожидая, что последует за этим. Но ничего не последовало. Любой другой на

его месте непременно бы заорал или хотя бы слабо пискнул, но парень в шляпе, тюкнувшись носом в пол, замер в этой неудобной позе, не издав ни звука и не шевелясь. – Помер, – охнула бабка, а Юрий, напряженно вглядываясь куда-то в угол, мрачно заявил:

– Конечно. Разве можно человека башкой со всего маха...

И тут Варвара нас просто потрясла, хотя я-то всегда считала, что наша бабка на многое способна, однако вынуждена была признать, что такого от нее и я не ожидала. Ухватив парня за ворот плаща, она поволокла его к входной двери, причем развила такую скорость, что мы с Юриком при всем желании догнать ее не могли. Варвара, достигнув двери, распахнула ее, выволокла бесчувственное тело на лестничную клетку и захлопнула дверь, после чего навесила на дверь цепочку, о существовании которой я успела забыть, так как никогда ею не пользовались. Совершив этот подвиг, бабка повернулась к нам и грозно сказала:

– Всем спать. Вот только трупов мне в квартире не хватало.

– И правильно, – согласно кивнул Юрий и тут же шмыгнул в свою комнату, должно быть опасаясь, что станет следующей жертвой, а я побрела к себе, злясь, что меня не только разбудили, но и озадачили, теперь лежи и думай: парень в шляпе труп или не труп, и кто он такой вообще. Коля, Володя... Что он делал на кухне, а главное, когда подавился, то есть когда лишился чувств, и какое я могу иметь ко всему

этому отношению.

Однако я здорово переоценила свои силы. Думать мне в ту ночь вовсе ни о чем не пришлось, не успела моя голова коснуться подушки, как я мгновенно потеряла сознание. Когда я вновь обрела его, в комнате всю жарило солнце. Не помогали даже плотные шторы на окнах, в настоящий момент задернутые (не мною). С ними было даже хуже, духота в комнате стояла страшная, хотя окно и было распахнуто настежь (тоже не мною), и в комнату долетал веселый визг ребятни и грохот трамвая на соседней улице.

– Ох, как мне плохо, – простонала я, переворачиваясь на спину, и в тот же миг увидела Варвару. Она стояла возле кровати с литровой банкой в руках, наполненной какой-то мутной жидкостью.

– На, – сказала бабка, протягивая мне банку.

– Это что? – испугалась я.

– Рассол. Покойный Петр Алексеевич всегда им похмелялся...

Покойный Петр Алексеевич был бабкиным мужем и являлся выдающимся алкоголиком. О нем ходили легенды, например, как он однажды на спор выпил ведро самогона или как свалился с пожарной каланчи, причем головой вниз, и ничегошеньки себе не повредил. Смерть его тоже была героической: загорелся винный склад, и Петр Алексеевич бросился его тушить, бутылки начали взрываться, граждане покинули опасное место, а Петр Алексеевич остался. Когда по-

жарные выволокли его, оказалось, что герой не дышит. Впоследствии выяснилось, что он вовсе не задохнулся в дыму, как предполагали многие, а захлебнулся, отчаянно пытаясь спасти государственное добро. Бабка о покойнике говорила с неохотой. Думаю, не без его стараний Варвара стала столь нетерпимой к пьянству вообще и отдельным представителям этого порока в частности. Характер ее закалился в долгой позиционной войне, пока не приобрел вид железобетонной конструкции, способной выдержать удар танковой армии.

Однако сейчас физиономия Варвары имела скорее смущенное выражение. В открытых дверях маялся взлохмаченный Юрик. Видя, как я припала к банке, он с тяжким вздохом заметил:

– Разве рассолом-то похмелишься...

– Исчезни, – рявкнула бабка, и он исчез, но очень быстро появился вновь, теперь уже непосредственно в комнате.

– Пустое это дело, рассолом-то, – зашептал Юрик тихо, но убежденно, стараясь держаться от бабки на расстоянии. Она метнула в его сторону гневный взгляд, но, как-то вдруг сникнув, опустилась на мою постель и позвала со слезой:

– Васька...

– У-у, – промычала я, допила рассол и вернула Варваре банку, посидела немного, зажмурившись, и выдохнула: – Хорошо...

– Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, – пробормотала бабка. Вела она себя немного странно, то есть непривыч-

но. Чувствовалась в ней, как и в Юрике, какая-то маета. С чего мается Юрик, было более-менее ясно, а вот с какой радости нашу бабу ломает? Может, она вчера тоже... того? От этой мысли мне сделалось значительно легче, я уже не чувствовала себя бесполезным членом общества, который пал столь низко, что умудрился напиться до бесчувствия. Но все мои сомнения в отношении бабкиной трезвости развеялись как дым, потому что она сказала: – С ума сойдешь с вами, без вина сопьешься.

– Это в каком смысле? – подала я голос. Юрик вдруг возник с другой стороны постели и деловито сообщил:

– Мужик-то – тю-тю, а мы даже не знаем, наш ли, нет ли, и куда он делся. А ну как он того? Или вовсе...

Тут надо пояснить, что Юрик обычно изъяснялся многословно, но при этом не всегда понятно. Мне и в нормальные-то дни нелегко было общаться с ним, а с перепоя и вовсе не по силам. По этой причине я махнула рукой и произнесла по слогам:

– Не мельтеши.

– Ни-ни, – замотал головой Юрик и тоже пристроился на моей постели, но бабка гневно сверкнула глазами, и он сполз на пол.

– Васька, – кашлянув, начала бабка, глядя на меня с томлением. – Я ведь ночью-то не поняла... Этот дурень заорал блажью: «степь да степь...» – и ладно бы пел, а то в первом куплете все слова переврал. И чего тогда горло драть, если

слов не знаешь? Уж коль не знаешь, сиди молча, а он опять... Ну, я и рассерчала. С вечера Машка Громова нервную систему подняла со своей собакой, тьякает и тьякает, я таблетку выпила и только-только заснула, а тут этот...

– Я его развеселить хотел, – кашлянул Юрик. – Не пьет, молчит, как такое вытерпеть можно? Вот я и запел. Хотел как лучше...

– Ага, он хотел как лучше, а я в сердцах... может, чего лишнее сказала, так ты того, не сердись...

– Ой, – простонала я, опустив голову на подушку и пытаюсь понять, что им от меня надо.

– Плохо тебе? – обрадовался Юрик, приподнимаясь с пола. – Может, пивка? Или водочки? Я махом, одна нога здесь, другая там...

– Не надо водочки, – испугалась я.

– А пиво?

– И пиво не надо.

– Правильно, – кивнула Варвара. – В этом деле рассол лучше всего. Ты полежи, полежи, сейчас полегчает...

– У меня выходной, – пробормотала я. – Можно спать сколько душе угодно.

– Вот-вот, – кивнула Варвара. Выглядела она подозрительно покладистой, и это насторожило меня, так что и спать расхотелось. – Васька, ты не думай, не со зла я, и гнать его не хотела, ни в жизнь бы я не стала его с кухни гнать, если б знала, что жених. Я ведь добра тебе желаю, может, я когда

чего лишнее крикну, так ведь дело житейское, но чтоб навредить... Знать бы такое дело... Я б ни в жизнь... И пусть бы сидел хоть целые сутки...

– Как же, пусть, – проворчал Юрик с пола. – Это ты сейчас «пусть», а чуть что, сразу орать и милицией грозиться...

– Слушайте, вы чего ко мне пристали? – не выдержала я.

– Как же, – развел руками Юрик, – жених-то твой, а кухня общая. А Варвара его, не разобравшись, с кухни, да еще за шиворот. Я утром-то выглянул, его в подъезде нет. А куда ему деться, если он ни рукой, ни ногой? А бабка вообще утверждает, что мертвый...

– Типун тебе на язык, – испугалась Варвара. – Какой мертвый? Живой он был, живой, и одет прилично, а когда я его на лестницу-то выдвинула, он даже крякнул, своими ушами слышала. Живой, – с сомнением протянула Варвара, глядя куда-то выше моего плеча.

– Конечно, живой, – удивилась я. – Просто так люди не умирают, а этот совсем молодой...

– Вот-вот, – кивнул Юрик. – Я и говорю Варваре Васильевне, что мужик был вполне самостоятельный. Ну не пил, ну молчал, однако живого от мертвого я отличу, и если он впоследствии стал мертвым, то уж тут... Не иначе как Варвара Васильевна его неловко темечком или еще каким местом зашибла...

– Я тебя сейчас неловко зашибу, – рывкнула бабка. Но тут же сникла и со слезой в глазах попросила меня: – Васька,

мужик-то твой жив ли? Позвони, хоть знать буду.

– Какой мужик? – в очередной раз потеряв интерес к разговору, спросила я.

– Ну этот, вчерашний...

– Куда ж я звонить буду, если я этого мужика знать не знаю?

– Как не знаешь? Ты сказала, что его зовут Коля.

– Я сказала? – Тут что-то ненадолго мелькнуло в моем сознании, и я согласно кивнула: – Ну, Коля... только я его не знаю. А как он на кухне оказался? – Вопрос поверг обоих моих соседей в недоумение. Они переглянулись и уставились на меня, а я, естественно, на них.

– Так он же с тобой пришел, – подал голос Юрик.

– Нет, я с Сашкой, соседом, пришла, – покачала я головой. – В подъезде встретились, и он мне помог подняться. А этот уже сидел... и бутылка на столе стояла... вроде бы... – Тут я нахмурилась, потому что и утверждать, что в какой последовательности я видела, не могла.

– Как же так? – разволновался Юрик. – Если он не с тобой, то с кем?

Мы с Варварой взглянули на него весьма выразительно, а он начал беспокойно ерзать.

– Я-то думал – жених твой, ведь за твоим столом сидел... и водка... выпьем, познакомимся...

– Вот ты его и того, – ядовито заметила бабка, – а потом с больной головы на здоровую.

– Я «того»? – заорал Юрик. – Да как я его «того», если я сам...

– Вы чего с утра блажите? – зевнула я. – Где мужик?

– Какой?

– Вчерашний?

– Так нет нигде.

– Значит, ушел.

– Как ушел? А вдруг...

– Вот будет «вдруг», тогда и думать будем, – проворчала я, поднялась с постели, тряся головой, и направилась к окну, с намерением раздвинуть шторы. Меня слегка покачивало, но после банки рассола я чувствовала себя намного лучше. Я выглянула на улицу и тут прямо под своими окнами увидела «Жигули» белого цвета, довольно ветхие, но смутно знакомые. Немного попялив на них глаза, я вспомнила, что вчера мой друг Володя доставил меня на точно такой же задрипанной «копейке», и задумалась: а ну как я ночью не одна вернулась, и парень на кухне был все-таки Володя, а не Коля.

– Этот, вчерашний, он во что был одет? – хмуро поинтересовалась я.

– Светлый плащ и шляпа. Шляпа такая... черная, с лентой, – засуетилась бабка. – Я еще подумала: одет прилично, не похож на алкаша...

– Это не он, – вслух подумала я, имея в виду Володю. Во что он был одет, я не вспомнила бы ни за какие коврижки, но точно не в плащ. И шляпы на нем не было... Но машина

внизу продолжала смущать меня, и после недолгой борьбы с самой собой я отправилась на улицу. Вышла из подъезда и огляделась. В трех шагах от меня стояла машина, причем левая передняя дверь ее была закрыта неплотно, но ни Володи, ни тем более Коли в шляпе там не наблюдалось. Я даже не могла сказать вот так, сразу, хорошо ли это или плохо.

Постояв, поглазев по сторонам и ничего не придумав, я собралась возвращаться в квартиру, и тут взгляд мой вновь задержался на неплотно прикрытой двери. По натуре я человек, тяготеющий к вселенскому порядку, только этим я могу объяснить свой поступок. Я подошла к машине, распахнула дверь, с намерением закрыть ее как следует, и тут увидела ключи, обыкновенные ключи, которые и мешали двери закрыться.

Ключи были на металлическом брелоке, на котором было написано: «Смотри веселей». Губы мои непроизвольно раздвинулись, выдав что-то вроде улыбки, и я подумала, что ключи от замка зажигания оставлять вот так довольно глупо. Хоть машина и выглядела ровесницей моей бабушки, но и на нее могли найтись охотники. В общем, я заперла все двери, повертела ключи в руках и, не придумав ничего лучшего, сунула их в карман, после чего поднялась в квартиру.

– Он в машине? – вопросом встретила меня бабка.

– Нет, – покачала я головой.

– А машина его?

– Машина Володи, – сочла нужным пояснить я. – Мы вче-

ра познакомились на вечеринке, потом мне стал являться папа, и я с перепугу выпила водки, потому что он только мне являлся. А тут этот Вова. Он решил зайти ко мне в гости, но не смог. И мы потерялись.

– А как же тот, в шляпе? – присев на подоконник, спросил Юрик.

– Никого в шляпе я не помню, – твердо заявила я. – Вы меня не путайте.

– Как же не помнишь, если он здесь с Юркой сидел? – рывкнула бабка, хоть с утра она и силилась быть терпеливой, но было ясно, что надолго ее вряд ли хватит, оттого я ничуть не удивилась грозному рыку.

– Вот у Юрки и спрашивай, – нахмурилась я. – А я никаких шляп не видела и знать ничего не знаю.

– А Колю?

– И Колю не знаю. Отвяжитесь от меня, и без того башка болит.

– Так-то, Варвара Васильевна, – пригорюнился Юрик, – видишь, что получается. Васька ни сном ни духом, а мы вроде того... И если окажется, что мужик и вправду не совсем живой... был, то и выйдет, что его мы... то есть ты...

– Чего болтаешь? – зарычала Варвара. – Какой мужик, что ты воду мутишь? Где ты этого мужика видишь?

– Правильно, – с умным видом покивал Юрик, – этой линии и надо придерживаться.

– Спятели вы, что ли, совсем, – заметила я укоризненно,

не в силах понять причину их утренней маеты, и тут зазвонил телефон.

– Милиция, – ахнула Варвара, прижав руку к сердцу. Юрик вроде бы полез в форточку, но, вспомнив, что у нас второй этаж, замер, а я пошла в прихожую, где на стене висел аппарат образца тридцать второго года, сняла трубку и бодро гаркнула:

– Слушаю...

– Василиса, это ты? – поинтересовался пьяный женский голос, и я со второй попытки узнала Людку. – Ты как... вообще? – спросила она.

– Отлично, – ответила я.

– Почему? – удивилась Людка.

Пришла моя очередь удивляться.

– Что почему?

– Почему отлично?

– Потому что я себя так чувствую.

– Так ты ж вчера пьяная была?

– Ну...

– А сегодня отлично? А еще всегда твердишь, что похмеляться вредно.

– Людка, тебе чего надо? – додумалась спросить я.

– Как чего, узнать хотела, как ты добралась, ну и о самочувствии тоже... А ты говоришь «отлично», это ненормально, и я начинаю думать, что с тобой что-то случилось.

– У нас мужик пропал в шляпе, – сообщила я, чтобы уте-

шить Людку. – Ты никого из наших в шляпе не помнишь?

– Папуля был в шляпе, – тут же ответила подружка.

– Какой? – не сразу поняла я.

– Наш, то есть твой, конечно.

– А где он был? – теряясь в догадках, спросила я.

– На вечеринке, естественно.

– Вчера?

– Василиса, ты что, головой ударилась? Ты прямо чудо в пушистых перьях. Конечно, вчера. Каждый день вас поить у меня денег нет.

– Так папуля был вчера на дне рождения? – стараясь как можно яснее формулировать вопрос, спросила я.

– Конечно. Ты ж его видела.

– Я видела, только ты сказала, что папы нет.

– Ну... Анатолий Васильевич сказал, что на дне рождения будет инкогнито, чтоб не смущать гостей и все такое... Ты ж знаешь, великому человеку нет прохода от всяких олухов, ну я и предупредила, чтоб никто ни-ни...

– Меня ты не предупредила, – вздохнула я.

– У гениев свои слабости, – сообщила Людка, непонятно кого имея в виду. – Мы должны с этим считаться. А кто у вас там пропал?

– Мужик в шляпе. Варвара утверждает, что он помер.

– Откуда ж она знает, что помер, раз он пропал?

– Так он сначала помер, а уж потом...

– Здорово. Может, вам тогда не стоит его искать? Одно

беспокойство... – С последним замечанием я не могла не согласиться, а Людка продолжила: – Я тебе чего звоню, меня сейчас твой парень разбудил, забыла, как его зовут... ну, ты с ним вчера весь вечер обнималась...

– Володя?

– Точно. Телефон твой просил. Дать?

– Конечно.

– А почему он мой телефон знает, а твой нет? Ведь это же твой парень? – Мы ненадолго задумались, но ответа не нашли. – Ладно, – вздохнула Людка, – он перезвонить хотел. Пока.

Я ответила: «Пока» – и повесила трубку.

Посмотрела на телефон, немного потопталась рядом и, ничего не дождавшись, вернулась в кухню, где продолжали страдать Юрик с Варварой. Бабка выглядела утомленной и даже растерянной. Причину их беспокойства я не очень понимала, прежде всего потому, что после крепких ночных возлияний я хоть и смогла подняться с постели, но соображала все равно не очень. Допустим, Шляпа в самом деле умер (хотя с какой стати молодому мужчине умирать?), но допустим, все же умер, и что? Куда он делся из подъезда? Мертвые, как известно, по улицам не бегают, а поверить в то, что кто-то на него позарился и прибрал к рукам, я все-таки не могла. Чепуха получается. Значит, Шляпа живой, очухался малость и убрался восвояси.

Юрик с бабкой, точно по команде, уставились на меня, а я

сообразила, что последнюю фразу произнесла вслух, причем довольно громко.

– Все вам привиделось, – кашлянув, добавила я. Бабка только-только собралась ответить, как опять зазвонил телефон, и я бросилась в прихожую.

– Мне бы это... Василису, – сказал мужской голос, звучал он с такой мукой, что мне сразу захотелось рассола.

– Это я, – отозвалась я тоже не очень весело.

– Здорово. Узнала? Это Володя.

– Привет. Как дела?

– Нормально, – ответил он неуверенно, помолчал немного и спросил: – Ты чего-нибудь помнишь?

– Про тебя или про себя?

– Про меня.

– Нет, – вздохнула я. – Помню, как ты из машины вышел и упал.

– Значит, была машина? – насторожился он.

– Была. Она и сейчас есть. Под окнами стоит.

– Вот здорово, – повеселел Володя. – А я, поверишь ли, ну ничего не помню. Должно быть, здорово башкой тюкнулся. Шишка выперла с кулак величиной... А как я домой попал? – поинтересовался он через некоторое время, закончив восторгаться своим увечьем.

– Не знаю, – честно ответила я. – Я к себе поднялась и отключилась. А утром вспомнила, что ты меня домой привозил, ну и машину увидела. Я ключи нашла, – решила я его

порадовать.

– Здорово, – опять сказал он и хихикнул. – Значит, машина заперта, а ключи у тебя. Слушай, может, махнем на речку? Ты как?

– Махнем, – ответила я, все еще туго соображая.

– Вот и ладненько. Я зайду после обеда. Только оклемаюсь немножко.

– Адрес помнишь? – на всякий случай спросила я.

– На Малой Никитской дом пятиэтажный, с аркой? – порадовал меня Володя.

– Точно, – согласилась я. – Тридцать пятая квартира, второй этаж.

Мы тепло простились, и я вновь потопала в кухню. Бабка и Юрасик смотрели на меня не мигая.

– Это он звонил? – первым не выдержал сосед.

– Кто? – гневно спросила я.

– Ну, этот, в шляпе.

– Надоели вы мне, – грохнув по столу подвернувшимся под руку половником, ответила я. – Не знаю я никакой шляпы, и с кем вы здесь по ночам пьете, и кого на лестницу выбрасываете...

– Не он, значит, – вздохнула Варвара. Могу поклясться, на ее глазах выступили слезы. От такого зрелища я на миг остолбенела, а потом поторопилась укрыться в собственной комнате.

Своего соседа добились: мысль о Шляпе прочно угнезди-

лась в моем мозгу. Я прилегла, закрыла глаза и по возможности попыталась вспомнить, как он выглядел. С этим сразу же начались проблемы – вместо лица я видела шляпу, причем не черную, как утверждала Варвара, а ядовито-зеленого цвета. Через пять минут стало ясно: мои усилия ни к чему не приведут, и я решила отвлечься от внешности и сосредоточиться на имени. Взглянув на парня ночью, я почему-то решила, что он Коля. Конечно, я была в таком состоянии, что полагаться на все мною сказанное было бы довольно глупо, и все же... Я попыталась вспомнить всех знакомых по имени Коля. Первым моему мысленному взору явился главврач нашей поликлиники Николай Эрастович, но мужчина он выдающейся комплекции, весом в полтора центнера, так что даже наша бабка выволочь его на лестничную клетку не могла.

Вторым был дядя Коля, брат моей матери, отважный морской офицер, чью фуражку мне в детстве иногда давали выносить во двор, когда дядя Коля навещал нас. Фуражка была предметом черной зависти всех моих друзей-мальчишек, дотрагиваться до нее руками я не давала и, водрузив ее себе на голову, гордо вышагивала по двору. Фуражка съезжала с одного уха на другое, ее приходилось поддерживать руками, но даже это настроения мне не портило.

Дядя Коля звонил мне в прошлый четверг из Сиднея, так что появиться на моей кухне тоже не мог. В общем, его кандидатуру на роль сидельца на нашей кухне я смело вычеркнула и загрузила. Ни один человек с именем Коля больше

на ум не приходил.

– Коля, – бормотала я, разглядывая потолок в мелких трещинках. – Коля... – И тут моему мысленному взору явился бультерьер, белорозовый, с большим серым пятном на затылке. Конечно, вот он, Коля... То есть бультерьера звали Киллер, а вот его хозяина – Николай, отчество не помню, ну и черт с ним, с отчеством. Я даже приподнялась от возбуждения, глядя безумными глазами куда-то в угол.

Познакомились мы с Колей два месяца назад. Он позвонил в поликлинику, так как псу надо было сделать плановую прививку, и я отправилась по вызову на улицу Первомайскую, где в шикарном доме, насчитывающем всего десять квартир, и проживал этот самый Коля вместе со своим бультерьером. Встретили меня чрезвычайно радушно, я имею в виду хозяина, щуплого мужчину неопределенного возраста с реденькими волосами подозрительно зеленоватого оттенка. Николай задал мне десяток вопросов, касающихся здоровья бультерьера, поил меня чаем и предлагал перейти на водку. Когда от водки я отказалась, речь зашла о шампанском, потом о мартини, в конце концов остановились на кофе, и я выпила чашку. Николай этот мне совсем не нравился, и его бультерьер, кстати, тоже, потому что смотрел на меня не по-доброму, а я этого не люблю.

Получив причитающиеся мне деньги (тут тоже вышла история, Николай пытался всучить мне сумму вдвое большую, чем требовалось, но я категорически отказалась от щедрых

даров, опять-таки по ранее указанной причине: пес и его хозяин были мне малосимпатичны), я покинула квартиру на Первомайской. А уже на следующий день Николай позвонил мне на работу и заявил, что его пес плохо себя чувствует, и я, как ошпаренная, понеслась спасать собачку. А через полчаса выяснилось, что песик жив-здоров, это хозяин у нас так шутит. Хозяйина я попросила больше не шутить, но он не угомонился и встретил меня после работы. Явился он на «Ленд-Круизере», да к тому же без Киллера, и смог произвести впечатление на моих коллег. Те принялись коситься и поджимать губы, а я бубнила: «Да это клиент, собачка у него, бультерьерчик...» Короче, жизнь он мне испортил и на этом не успокоился, звонил почти каждый день и звал то в ресторан, то в казино. Я, утомившись от долгих бесед на неинтересные для меня темы, совсем было собралась отвадить его от звонков, втолковав грубо, но доходчиво, что он зря время тратит, но Николай Эрастович, присутствовавший при очередном нашем телефонном разговоре и ранее меня сообразивший, чем он закончится, вдруг трагически зашептал: «Василиса, ты того... поаккуратней, такие как этот – ого-го. Так что подумай».

К тому времени сосед Юрик уже успел приучить меня к разным «того» и «ого-го», и мысль я уловила сразу, после чего сделалась с Николаем чрезвычайно любезной и закончила разговор не так, как собиралась, после чего принялась скрываться от него. С работы уходила партизанскими тропа-

ми, а на телефонные звонки отвечала только после того, как могла удостовериться, что это вовсе не Коля.

Пару раз он все-таки смог меня отловить, и мы даже заглянули в кафе напротив, где я съела мороженое, а он выпил водки и стал звать меня на Канары. Я не возражала, предложив перенести поездку на зимний период. На Канарах и зимой лето, а у меня работы поменьше. Коля остался моим ответом доволен, а я Колей, потому что неделю после этого он не показывался.

Углубившись в воспоминания, я воочию увидела Колино лицо, темно-зеленую шляпу, печатку на пальце и массу других мелочей, но все это не позволило ответить на вопрос, что Коля делал на моей кухне. Появиться он мог здесь лишь со мной, так как адреса я ему не давала, а со мной он появиться не мог, раз домой я вернулась с Володей, а с Колей неделю даже не встречалась. Все эти размышления здорово меня утомили, а еще и разозлили. Я поднялась с постели, отыскала в записной книжке Колин домашний телефон и направилась в прихожую. Мне ответил автоответчик. Я понятия не имела, что скажу Коле, а беседовать с автоответчиком и вовсе представлялось мне глупым, но беспокойство меня не отпускало, потому я скороговоркой выпалила:

– Николай, это Василиса, давно не виделись, как ваши дела? Позвоните мне, пожалуйста, очень жду. – И отключилась.

Если Коля позвонит, значит, он жив-здоров и ночью на

кухне умер кто-то другой, или бабке все это привиделось. «А если не позвонит?» – подумала я и тут же погнала прочь печальные мысли.

Более-менее успокоившись, я отправилась в ванную, после чего устроилась на подоконнике, распахнув окно настежь, так как могла лицезреть, как Юрасик на пару с Варварой рыщут в нашем дворе, тяготея в основном к гаражам и заборам. Юрик даже слазил в домик на детской площадке, вляпался там в следы жизнедеятельности человека и принялся голосить на весь двор, но подскочившая Варвара вмиг его урезонила, и он побрел к мусорным бакам, а соседка метнулась к участковому, который как раз появился во дворе.

О чем они говорят, мне услышать не удалось, но бабка к концу разговора выглядела неудовлетворенной. В общем, было ясно: Варвара не оставила мысль о сбежавшем трупе и они с Юриком его ищут. Покачав головой, я уткнулась в книгу и читала до тех самых пор, пока мужской голос не позвал:

– Василиса...

Я свесилась вниз и возле подъезда увидела смутно знакомого молодого человека. Он махал руками и улыбался, а я сообразила, что это и есть вчерашний Володя, улыбнулась в ответ и тоже замахала руками, при этом чуть не вывалившись из окна.

– Спускайся, – крикнул он. Я спрыгнула с подоконника, взяла рюкзачок, который собрала заранее, и, прихватив клю-

чи от машины, покинула комнату.

На двери подъезда Юрик приклеивал листок бумаги. «Все, кто видел мужчину в плаще и черной шляпе, просьба сообщить в тридцать пятую квартиру».

– Это не я, – обратив внимание на мое выражение лица, зачастил Юрик. – Бабка волнуется...

Не удостоив его ответом, я прошествовала к «Жигулям».

Володя с задумчивым видом пинал колесо.

– Зеркало свистнули, – философски заметил он при моем приближении, я протянула ему ключи, сияя улыбкой и разглядывая парня. Не то чтобы он мне не нравился, в моей жизни встречались физиономии и похуже, просто я была слегка разочарована. Прежде всего, вчера я считала его красавцем. И почему-то очень высоким. Ростом он был чуть выше меня, а его рябая физиономия никакого отношения к классическим канонам красоты не имела. Я вздохнула, не особенно сильно печалась, и устроилась на переднем сиденье, рядом с Володей, прижимая к животу рюкзачок и думая, что ехать на речку в пять вечера довольно глупо. Жары давно не наблюдалось, последнюю неделю без конца шел дождь, и столбик термометра выше семнадцати градусов не поднимался. Сегодня солнце светило ярко, но, пока мы доберемся до речки, загорать уже будет поздно, а вода наверняка холодная.

Тут я обратила внимание, что Володя одет в ветровку, а в ветровке на пляже, по моему мнению, делать нечего. Са-

ма-то я на радостях вырядилась в шорты и теперь чувствовала себя не очень уверенно. Между тем мы успели покинуть наш двор и направились в сторону проспекта. Чем больше я приглядывалась к Володе, тем меньше он мне нравился. Ко всему прочему он принялся свистеть, а это меня всегда раздражает.

– Мне надо на работу заехать, – сказала я через несколько минут. Володя кивнул, выдал широкую улыбку, демонстрируя, какой он милый и покладистый парень, свернул возле кинотеатра, между прочим, правильно свернул, и после этого спросил:

– А где ты работаешь?

– В ветеринарке, – ответила я, – это возле старого рынка.

– А кем ты в ветеринарке работаешь? – насторожился он.

– Ветеринаром, – опять-таки ответила я.

– А-а... котов кастрируешь, – развеселился он.

– Не только котов, – обиделась я, он моргнул и смеяться перестал.

– Хорошая работа.

– Не жалуюсь...

– А почему ты в ветеринары пошла? Это что, призвание или как?

– Призвание, – подумав, ответила я.

– Хорошая у тебя профессия, – серьезно заявил Володя. – Те, кто животных любят, как правило, люди добрые, с сочувствием.

– Я как раз такая, – так же серьезно кивнула я, и разговор себя исчерпал.

На счастье, мы уже подъехали к родной поликлинике, и я заспешила к служебному входу. В субботу, а сегодня была суббота, поликлиника работала до трех, но дежурный оставался здесь круглосуточно, а для срочных вызовов у нас была машина. Сейчас она стояла в тенечке, а шофер, дядя Миша, дремал на крыльце.

– Здорово, Васена, – гаркнул он при моем приближении.

– Ой, – пискнула я с перепугу, потому что думала проскользнуть незамеченной. Дело в том, что дядя Миша у нас страшный зануда. Во-первых, ужасно любопытный, во-вторых... и во-первых быхватило за глаза, а было еще и в-третьих, и в-пятых...

– На работу, как на праздник, – начал он.

– Да я ключи оставила...

– Где оставила? – обрадовался он. «Ну вот, началось». Дядя Миша принялся выпытывать, а я самозабвенно врать, так что, когда наконец прорвалась к регистратуре, начисто забыла, по какой такой нужде сюда приехала.

Верка пила чай и тарасилась в телевизор, там шел фильм на английском. Верка так вздыхала, что верхняя пуговица ее халата расстегнулась.

– Вот это любовь, – заявила она с тоской.

– Что за фильм? – осведомилась я.

– А черт его знает... но любовь... Глянь, как он на нее

смотрит... сейчас бросится.

– Бросится, – немного послушав дядьку по телику, согласилась я. – И сожрет. Он же людоед.

– Да ты что? – не поверила Верка и тоже стала вслушиваться.

– Точно. Вот сейчас он говорит, что вырвет ей сердце и...

– Кошмар... – Верка торопливо выключила телик и покачала головой: – Никому верить нельзя. Ты к нему всей душой, а он людоед. Сердце вырву... как будто бабе другого применения нельзя сыскать... И ладно бы жрать нечего... Ты чего приехала? – без перехода спросила она.

Я стала вспоминать. Тут появился дядя Миша и заговорил прямо от двери:

– Васена, это ты на белых «Жигулях» подъехала?

– Ну... – вздохнула я.

– Значит, познакомились?

– С кем? – тут же влезла Верка.

– С пареньком этим, рябенький такой...

– А вы откуда знаете? – нахмурилась я.

– Как же мне не знать, если он про тебя расспрашивал?

Кто, мол, такая, как звать и прочее...

– Когда расспрашивал? – испугалась я.

– Вчера, – радостно заявил дядя Миша. – Только с вызова вернулись, я покурить сел на лавочку, и он тут как тут. Интересовался, есть ли у тебя кто.

Верка напряженно вертела головой. Так как дядя Миша

замолчал и я тоже рта не открывала, она, кашлянув, произнесла:

– И чего?

– Ничего, – развел он руками. – Говорю, подкатывал тут один на джипе, но, говорю, такие нам без надобности. Девушка, говорю, она самостоятельная, и всяким там прохвостам...

Я схватила телефон и набрала Людкин номер. Ждать пришлось долго, оказывается, Людка отмокала в ванной.

– Чего еще? – хрипло спросила она.

– Слушай, откуда этот Володя взялся?

– Какой? – не поняла Людка.

– Тот, с которым я вчера от тебя ушла.

– Ну?

– Откуда он взялся?

– В каком смысле? – пробормотала подруга.

– Где ты с ним познакомилась? – рявкнула я, теряя терпение.

– Да не знакомилась я с ним.

– Как же он тогда пришел?

– Ко мне? – удивилась Людка, и я удивилась вместе с ней, когда услышала: – С тобой, конечно.

– Он не со мной... – поспешила заверить я.

– Ну, значит, как-нибудь сам приبلудился.

– А ты не могла бы узнать поточнее, может, он с кем-то другим пришел?

– Попробую, – согласилась Людка, – но это вряд ли. Вчера все спрашивали, с кем это ты пришла. И никто не знал. Ни я, никто... Даже папа и тот не знал, а папа все знает. Так что выходит, это ты его привела или он сам пришел.

То, что парень мог прийти сам, меня ничуть не удивило, у Людки и не такое бывало. Однако то, что он обо мне выспрашивал, наводило на размышления. Тут я вспомнила, зачем заехала в поликлинику. Я намеревалась переждать здесь пару минут, затем выйти к Володе и сообщить ему, что чрезвычайно важное и срочное дело вынуждает меня остаться на работе. Однако теперь я решила, что торопиться не стоит, слова дяди Миши произвели на меня впечатление, и Людкины тоже. Следовало понять, что этому рябому от меня нужно.

– Счастливо отдежурить, – заявила я, направляясь к двери.

– А ключи? – забеспокоился дядя Миша. – Ключи-то нашла? – Но я уже выскользнула на улицу и бросилась к «Жигулям».

Володя, распахнув дверь, курил, лениво щурясь. Я плюхнулась на сиденье и торопливо сказала:

– Поехали.

Отшвырнув сигарету, Володя лихо рванул с места как раз в тот момент, когда запыхавшийся дядя Миша появился возле калитки, размахивая руками.

– Это ты от дедули так ускоряешься? – спросил Володя.

– От работы, – буркнула я.

Мой новый знакомый особой разговорчивостью не отличался, за всю дорогу до озера мы не сказали друг другу и десяти слов, да и то восемь из них произнесла я. Мы выехали из города, и я, обзрев окрестности, спросила:

– Мы на Старицу едем? – Володя кивнул. Я подумала, что берега Старицы многолюдными не назовешь, а парень ведет себя подозрительно, затем некстати вспомнила киношного людоеда и здорово разволновалась, оттого с большой поспешностью и заявила: – Лучше на озеро.

– Как скажешь, – кивнул Володя и свернул на светофоре.

Озеро Ясное облепили коллективные сады, так что в солнечный день приткнуться здесь на машине – вещь практически невозможная, но, как я уже сказала, всю неделю погода не радовала, и сегодня мы смогли разместиться на зеленой лужайке в нескольких метрах от воды в тени огромных лип. Рядом с нами отдыхало крикливое семейство с большим количеством детей, ближе к садам жарили шашлыки граждане кавказской национальности, а в трех шагах от нас, сидя в джипе, отдыхала молодая пара, распахнув все двери. В общем, я чувствовала себя в относительной безопасности.

– Купаться будешь? – спросил Володя, как только мы покинули машину. Я отчаянно замотала головой. Он разделся, подошел к воде, сунул в нее ногу, постоял и задумчиво изрек: – Холодная. – Надев ветровку, он присел на травке ря-

дом со мной. Он шевелил пальцами ног, а я прикидывала, как половчее вытянуть из него, с какой такой стати он выспрашивал обо мне у дядя Миши и как появился у Людки?

Время шло, а я все думала и думала, пока наконец не спросила:

– Ты чего обо мне выспрашивал? – Володя поскреб затылок, шмыгнул носом и ответил вопросом на вопрос:

– Это тебе дед разболтал?

– Ага, – не стала лукавить я.

– Ты мне понравилась, – зазывно глядя на меня, сообщил Володя. – Я тебя на той неделе заметил, ты от троллейбусной остановки шла. Я еще посигналил, но ты не обратила внимания.

– И чего? – поторопила я где-то через пять минут, решив, что Володя вздремнул.

– Ничего, – пожал он плечами. – Я по соседству работаю, фирма «Светоч», знаешь? Вот там. Тоже к девяти на работу езжу. Стал на остановке задерживаться, чтоб тебя увидеть. А позавчера отпросился на полчаса и тебя проводил до ветеринарки. С дедом побеседовал.

– Зачем?

– А вдруг ты замужем? – Что на это ответить, я не нашлась и только кивнула, но оставалась еще Людка, о чем я не преминула ему напомнить. – У меня в доме напротив дружок живет, – охотно пояснил Володя, – я к нему вчера вечером заехал, вдруг вижу, ты... двигаешь с цветами, ясно, что в го-

сти. Ну я дружку про тебя рассказал. Сначала хотел дождаться, когда начнете по домам расходиться, чтоб подвезти тебя и познакомиться. А как пошло у твоей Людки веселье, окна настезь, и дым коромыслом, дружок-то и говорит: «Топай туда, я этих художников знаю, они отца родного не вспомнят, а тебя тем более». Я и решил рискнуть. И так все здорово получилось... только вот потом... – Володя потер затылок, после чего предложил мне пощупать шишку, которую он заработал ночью, но от шишки я отказалась. Объяснил он все вполне доходчиво, но что-то меня продолжало томить и беспокоить. Поразмышляв еще немного, я спросила:

– А ты в мою квартиру не поднимался?

– Нет, – покачал он головой. – Я и номер-то ее не знаю. Оттого и пришлось тебя сегодня через Людку искать. Она мне вчера свою визитку в карман сунула. Хорошо хоть вспомнил. Вот и позвонил ей, а уж она тебе. – Это я и без него знала, оттого и начала злиться. Я закусила губу, косясь на Володю, а он, в свою очередь, поинтересовался: – Ты чего про квартиру спросила?

– Про какую? – не поняла я.

– Ну, ты спросила, не поднимался ли я к тебе...

– А-а... У нас на кухне какой-то тип сидел. В плаще и шляпе. Я подумала, может, ты.

– Нет, – покачал головой Володя. – У меня и шляпы-то нет. – Но тип его неожиданно заинтересовал. – Это не тот, что на джипе тебя встречал? Дед сказал, он в шляпе.

– Может быть, – кивнула я, а Володя продолжил расспросы:

– Что за мужик? Знакомый или как?

– Я у него собаку лечила, – ответила я.

– И чего? – проявил он интерес.

– Ничего. Заезжал пару раз.

– Из-за собаки? – Вопрос поставил меня в тупик, я посмотрела вдаль, подумала и вздохнула:

– Черт его знает...

– В женихи набивался? – подсказал Володя.

– Ага. На Канары звал.

– Канары – это хорошо, – кивнул мой спутник, устраиваясь поудобнее, и вдруг заметил без перехода: – Надо было пива взять.

– Не надо, – испугалась я.

– Купаться холодно, загорать поздно, и пива нет, – продолжал он жаловаться на жизнь. – Тебе удобно? – спросил он опять-таки без перехода. – У меня в багажнике одеяло есть.

– Может, домой поедем? – робко предложила я.

– А тебе чего дома-то, дела какие?

Никаких дел у меня, естественно, не было. Их у меня вообще не водилось, если я их сама не придумывала, потому что человек я не деловой и даже совсем наоборот, но оставаться на озере мне представлялось довольно глупым. Впрочем, потратив минут пять на размышления, я пришла к выводу, что по большому счету совершенно не важно, где страдать с

перепоя, в квартире или на озере. На озере даже приятнее, по крайней мере, свежий воздух.

Я потянулась за рюкзаком, извлекла из него салфетки, бутерброды и все это аккуратно разложила на травке.

– Колбасу хорошо бы поджарить, – подумал вслух Володя, после чего энергично поднялся. – Сейчас костерочек разложим. – Он зашагал в сторону жиденького леска, начинавшегося в нескольких метрах от дороги, а я направилась к машине, с намерением извлечь из багажника обещанное одеяло. Костер – это надолго, значит, устраиваться надо с удобствами.

Багажник был заперт, но ключи торчали в замке зажигания, поэтому призывать Володю на помощь я не стала, решив, что справлюсь сама. Я открыла багажник, и первое, что увидела, было одеяло в бело-голубую клетку, но его вид мне сразу не понравился: что-то такое под ним угадывалось подозрительное.

Я немного постояла в нерешительности, затем ухватилась за угол одеяла, и тут причина неожиданно нахлынувшего на меня беспокойства стала ясна. Под одеялом лежал человек. Сначала я увидела плащ и шляпу. То есть мужчина был в плаще, а шляпа лежала на его груди, и уж только после этого я перевела взгляд на его лицо. Лучше бы мне этого не делать. Лицо имело странный сероватый оттенок, точно покрылось каким-то налетом, глаза были широко распахнуты, а рот приоткрыт. В целом все выглядело так паршиво, что и

вспоминать не хочется.

Первым моим желанием было заорать во все горло, что я и вознамерилась сделать, и даже уже широко разинула рот, но вместо громогласного вопля из него вырвалось какое-то подозрительное шипение. Я испуганно прикрыла рот, огляделась и тут заметила, что ко мне направляется отец семейства, расположившегося по соседству. Я резко захлопнула багажник и уставилась на мужчину, ожидая, что он произнесет что-нибудь вроде: «Руки за голову, лицом к стене...», но вместо этого он сказал:

– Извините, у вас спички есть?

– Не-е, – промычала я, загоразивая багажник, как будто мужчина мог увидеть сквозь железо его содержимое.

– Извините, – еще раз сказал он и направился восвояси, а я, бессильно привалившись к машине, посоветовала себе соображать побыстрее. То, что в багажнике машины лежит труп, было совершенно ясно. Вопрос, с какой стати он там лежит? Может, парень спрятался там от кого-то еще, не будучи мертвым, и в багажнике умер? А если нет, значит, его кто-то туда положил. И тут меня словно ткнули в ребро. На нем же плащ и шляпа, совсем как на том типе, что ночью пил с Юриком на нашей кухне, то есть не пил, чем очень нервировал соседа, а просто сидел. А потом оказался в багажнике. Бабка ищет его по всему дому, объявления вывешивает, а он преспокойненько лежит себе в багажнике. Значит, это Коля, и он зачем-то залез в багажник. В том, что в багажнике ле-

жит именно Коля, я была вовсе не уверена, потому что на лицо взглянула лишь на секундочку, да к тому же была так напугана, что и саму себя бы не узнала. Но плащ и шляпа говорили о многом. Значит, он. Бабка вытурила его из квартиры, он посидел в подъезде, потом вышел на улицу и забрался в багажник. И видимо задохнулся. Вот дела...

Я опять тревожно огляделась, но тут в голову мне пришла мысль похуже: Варвара утверждает, что Шляпа уже и на кухне был того... не совсем живой, одним словом. Вряд ли в этом случае он мог забраться в багажник. Выходит, кто-то его сюда нарочно засунул. Кто? Первым в голову пришел Володя. Не зря он про Шляпу выпрашивал. И про меня тоже. Этот парень вообще страшно подозрительный. Заявился на вечеринку, меня напоил, машину возле подъезда оставил... ведь неспроста. Пьяным он только притворялся, подкараулил Шляпу, а потом сунул его в багажник... своей машины? А что, сегодня он решил вывезти труп и где-нибудь утопить, а меня взял для алиби... А может, и меня утопит, как ненужного свидетеля... Когда я добралась в своих рассуждениях до этого места, мне стало так нехорошо, что я со всех ног бросилась в ближайшие кусты, но там расположился какой-то дядька, и я стрелой полетела дальше.

Все это немного отвлекло меня от трупа, и через несколько минут, когда я почувствовала себя значительно лучше, с выводами уже не торопилась, а, сидя в тенечке, советовала себе рассуждать здраво. Если Володя зачем-то убил Шля-

пу, то возить его в багажнике довольно глупо, хотя, может, и нет... Вот, к примеру, он сказал, что пошел за хворостом, чтоб разжечь костер, а на самом деле высматривает место, где удобнее избавиться от покойника. И мне купаться предлагал. Ясное дело, утопить хотел. Дела...

Тут я обратила внимание вот на что: многочисленные отдыхающие начали потихоньку собираться и покидать насиженные места. Вон «Жигули» уехали, и «Волга», ой, мама... Берег на глазах пустеет, а я в кустах сижу... От этой мысли мне сделалось вообще невмоготу. Что же это получается? Бабка с Юрасиком не в курсе, куда меня черти занесли, Людка об этом противном Володе знать ничего не знает. Одна надежда, что глазастая Варвара обратила внимание на машину. А что, если это вовсе не его машина? Угнал, подлец, где-нибудь, оттого труп в багажнике и возит. Конечно, как же это я сразу не сообразила. Сейчас все разъедутся, этот гад меня и Шляпу в озеро, машину в кустах бросит – и поминай как звали...

«Надо что-то делать», – с отчаянием подумала я и для начала покинула кусты, несмотря на сильное беспокойство желудка. Я потрусила к машине и тут увидела Володю. Он торпливо возвращался, с кем-то разговаривая по сотовому. То, что машина числится в угоне, стало мне совершенно ясно, – чтобы парень с сотовым разъезжал на такой развалюхе, да никогда на свете. А этот мерзавец уже и не прячется, идет себе как ни в чем не бывало и телефон в руке держит, не

боится, что я выведу его на чистую воду, знает, подлец, что недолго мне жить осталось.

При этой мысли я вновь обратила свой взор на кусты и уже сделала шаг в том направлении, но опомнилась и решительно сказала: «Возьми себя в руки, иначе этот гад в самом деле тебя укокошит».

Гад между тем приближался, и на лице его, обращенном ко мне, появилась иезуитская улыбка.

– Не повезло, ни одной сухой ветки, – заявил он, подходя на опасное расстояние. Телефон все еще был в его руке, он проследил мой взгляд и сказал со вздохом: – С работы звонили, завтра в шесть утра улетаю в Питер. – Он опять вздохнул, косясь на меня как-то чересчур подозрительно, точно прикидывая, сможет ли пристроить меня в багажнике вместе со Шляпой.

– А у меня живот болит, – брякнула я.

– Да? – Он стоял напротив, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. «Ждет, когда отдыхающие разъедутся», – догадалась я.

– Может, домой? – кашлянув, предложила я, но без нажима. – Тебе вставать рано...

– А ты не обидишься? – смутился он. «Вот ведь мерзавец».

– Нет, что ты, я понимаю... К тому же живот...

– Тогда поехали, – обрадовался он.

Я быстро затолкала в рюкзак свои вещи и устроилась в

машине, – конечно, оставаться с этим типом наедине совсем не хотелось, но выбираться отсюда как-то надо. Если я откажусь с ним ехать, это будет выглядеть крайне подозрительно и лишь ускорит развязку. Нет, надо вести себя как ни в чем не бывало, но при этом быть начеку.

Я окинула оценивающим взглядом Володину фигуру. На силача он не тянет, так что шанс у меня есть. Пока он одевался, я сунула руку под его сиденье и с чувством огромного облегчения обнаружила там монтировку. Я переложила ее под свое сиденье и даже улыбнулась от удовольствия. Тут Володя как раз сел в машину и подмигнул мне. «Рано радуешься», – хотелось сказать мне, вместо этого я улыбнулась еще шире, и мы тронулись. Перед нами ехала «восьмерка», битком набитая молодыми людьми, а следом пристроился «Запорожец», это тоже меня порадовало, потому что разделаться со мной по дороге к шоссе мерзавцу будет затруднительно.

– Как живот? – спросил Володя, когда мы через пять минут выехали на шоссе, движение здесь было приятно оживленным.

– Отлично.

– Не болит? – точно не веря, спросил Володя.

– Нет, – порадовала его я.

– Тогда, может, пива попьем? Посидим в тихом месте...

Ты как?

– Давай посидим, – согласилась я, косясь по сторонам, и тут увидела милицейскую машину. Я воспряла душой, уже

открыла окно, чтоб крикнуть: «У нас труп в багажнике», но передумала, вдруг инспектор не услышит? А уж Володе тогда ничего не останется, как перейти к решительным действиям. Окно пришлось прикрыть.

– Жарко? – спросил Володя, видно, что-то заподозрив.

– Нормально, – ответила я, мы замолчали, а я, само собой, принялась рассуждать. Если Шляпу в самом деле убил Володя, когда он это умудрился сделать? Первый раз Шляпу я видела сидящим в одиночестве на кухне. Утверждать, был он в тот момент жив или нет, я не берусь, раз сама была чуть жива. По словам Володи, он в это время лежал у подъезда, хотя ничто не мешало ему подняться и убить Шляпу. Знать бы, зачем? Может, поссорились по пьяному делу? Был и еще вопрос, который сильно меня тревожил: что в моей квартире делал Шляпа? То есть как в нее попал? Ничего, в милиции разберутся.

Мы как раз въезжали в город.

– Слушай, – обратился ко мне Володя, будто только что очнувшись, – может, машину сразу поставим? У меня здесь гараж, возле Дома быта. В гору подняться – и стоянка такси.

– Хорошо, – отважно кивнула я, а в мозгу прошелестело: «Вот оно, началось. По дороге он не рискнул избавиться от меня, сейчас завезет в гараж...»

Он свернул на светофоре. По узкой улочке, радующей глаз зеленью, мы начали спускаться к Дому быта, вскоре очам моим предстал забор и синие ворота, на которых белой краской

было написано: «Кооператив «Юг». Володя посигналил, ворота открылись, и я увидела огромного пса, черного и курчавого, а рядом с ним субтильного вида мужчину в тренировочных штанах.

Володя притормозил и поздоровался с женщиной. Я распахнула свою дверь и, высунувшись из машины почти наполовину, тоже поздоровалась, пес предупредительно тявкнул, а мужчина кивнул мне. «Теперь есть свидетели, что в гараж я приехала с Володей», – злорадно подумала я, косясь на своего спутника. Между тем малой скоростью мы двигали по асфальтовой дороге, пока не свернули возле гаража, выкрашенного коричневой краской, с надписью: «Линия N 12», проехали еще метров тридцать и остановились перед металлическим гаражом с цифрой «20» на воротах.

– Ну вот и приехали, – радостно сообщил Володя, а я торопливо огляделась. Первое, что пришло в голову: парень спятил, если намеревался разделаться со мной здесь. По меньшей мере, ворота пяти гаражей были распахнуты, и возле них бродили люди. В основном мужчины, и не очень трезвые, но все же свидетели. Возможно, они мало на что обращают внимание, но безлюдным место никак не назовешь, и мой предполагаемый убийца должен был иметь это в виду...

Володя заискивающе улыбнулся мне и предложил:

– Подожди немного... – Я вышла из машины, и он тоже вышел, отпер гараж, распахнул ворота и загнал внутрь машину, после чего закрыл ворота и вновь улыбнулся мне. –

Порядок. Пошли?

– Пошли, – кивнула я, теряясь в догадках.

Возвращаться к центральным воротам мы не стали, Володя повел меня по тропинке, которая петляла в межгаражном пространстве. Я опять насторожилась, но вскоре снова терялась в догадках: Володя шел впереди и никаких попыток оказаться за моей спиной не делал. Я же исправно сохраняла дистанцию и оставалась настороже. Через пять минут мы покинули кооператив через дыру в заборе и вышли к Дому быта, где действительно имелась стоянка такси. Машин десять вереницей выстроились вдоль тротуара, мы загрузились в первую, и Володя сказал:

– В «Сундук». – А я опять насторожилась, пока не вспомнила, что «Сундук» – это пивбар на Мясницкой, место, между прочим, чрезвычайно оживленное.

Все последующие события лишь усилили мое недоумение. А точнее, никаких событий не было вовсе. Мы заняли столик в пивном баре возле окна, затянутого рыболовной сетью, и выпили пива. Поначалу я решила, что Володя вознамерился спить меня, но он особо на выпивке не настаивал и сам не очень налегал на пиво, зато совершенно неожиданно разговорился. Я-то была уверена, что парень молчун, но вскоре убедилась, что сделала весьма поспешное заключение. С моей точки зрения, он трещал, как заведенный, болтал сам и обращался с вопросами ко мне. Это особенно нервировало, так как приходилось отвечать, вместо того чтобы

тщательно проанализировать ситуацию. Он рассказал мне историю своей жизни и выпытал мою. Потом долго распылился о своей работе, я слушала и мрачнела все больше и больше, потому что вел он себя неправильно, и это меня беспокоило. Я совсем было собралась напрямую спросить, какого черта он убил Шляпу, как вдруг поняла, чего мерзавец добивается. Ну, конечно, он ждет, когда стемнеет. Пойдет меня провожать и в тихом переулке... Милиция решит, что это ограбление, а Володя скажет, что он ни при чем, проводил меня до остановки и больше знать ничего не знает.

Я с испугом посмотрела в окно. До темноты еще далеко, но рисковать я не стала.

– Пожалуй, мне пора, – немного невпопад заявила я. Лицо Володи приняло грустное выражение.

– Может, ко мне? – кашлянув, предложил он. Я мысленно усмехнулась: «Какой умный...»

– Давай в другой раз, – вздохнула я. – Живот чего-то опять побаливает, может, от пива?

– Может, – согласился он, быстро расплатился, и мы снова оказались на улице.

Я предприняла слабую попытку отделаться от убийцы, но он проводил меня до подъезда. Посмотрел на мои окна и с наигранной робостью спросил:

– Не хочешь пригласить меня в гости?

– У меня соседи злющие, – ответила я.

– Ясно. Вернусь из командировки и позвоню тебе. Мож-

но?

– Конечно.

– Вот мой телефон, домашний и мобильный. На всякий случай.

Я сказала «спасибо», он слабо пожал мне руку и удалился, а я, перескакивая через две ступени, бросилась в квартиру, с намерением звонить в милицию. Входная дверь была заперта, я вспомнила, что забыла ключ, и нажала на кнопку звонка.

Открыл мне Юрасик, выглядел он каким-то пришибленным и почти трезвым – для субботнего вечера вещь практически невероятная.

– У нас новые правила, – со вздохом сообщил он. – Дверь теперь держим запертой. И никаких гостей. – Он испуганно огляделся и перешел на трагический шепот: – Варвара слишком переживает.

Тут и сама Варвара возникла на пороге кухни – лицо бледное и вроде бы даже заплаканное, хотя это мне наверняка показалось, наша бабка плакать никак не может...

– Нашла своего друга? – ласково спросила она меня.

– Какого? – насторожилась я.

– Того, что ночью здесь сидел... в шляпе...

Вспомнив о Шляпе, я тут же зажмурилась и постаралась дышать ровнее. «Нашла, как не найти», – подумала я, но промолчала. Бабка выглядела встревоженной, и пугать ее раньше времени не хотелось, ведь не ясно, наша Шляпа в багаж-

нике или не наша.

– Нет, – стыдясь, что говорю неправду, ответила я и тут же спросила: – Мне никто не звонил?

Бабка покачала головой, выразительно вздохнула, наблюдая за тем, как Юрик с удобствами устраивается на подоконнике, и сказала как-то вяло:

– А я ведь вызнала, к кому он приходил...

– Кто? – не поняла я, так же, как и бабка, наблюдая за ерзаньем Юрика на подоконнике.

– Ну, в шляпе этот... Клавдия Михайловна из двадцать седьмой видела его с Нинкой.

– С какой Нинкой? – опять спросила я.

– С Нинкой, прошмандовкой.

– А-а-а...

Нинка, веселая деваха лет двадцати, снимала квартиру этажом выше. Широкая общественность была в курсе, что Нинка работает в ночном клубе, а на квартире у нее устраиваются оргии, и мужиков там немерено. Последние два утверждения лично у меня вызвали сомнения, никакого шума из ее квартиры не доносилось, да и мужиков не было видно, если не считать соседа Сашку, да еще нашего Юрика, но его-то таковым давно никто не считал, и он сам в первую голову. Несмотря на это, общественность упорно причисляла Нинку к падшим созданиям и иначе как прошмандовкой не называла.

– А где она их видела? – проявила я интерес.

Клавдия из двадцать седьмой – бабка лет восьмидесяти. Она страдала глухотой и носила очки толщиной с палец – чего она вообще видит, это еще вопрос. Если только умудрилась столкнуться со Шляпой нос к носу, но и тогда вовсе не обязательно, что смогла его разглядеть.

– Она своего кота искала, а эти подъехали аккурат к самому подъезду. Нинка из машины шмыг, а этот, в шляпе, отогнал машину к площадке и за ней.

– На чем подъехали? – на всякий случай поинтересовалась я, хотя зрению Клавдии по-прежнему не доверяла.

– На джипе. Здоровый, черный, а может, синий, Клавдия не уверена.

– Ну и где джип? – усмехнулась я.

– Должно быть, уехал, – пожалала бабка плечами. – Наш-то, в шляпе, полежал в подъезде, очухался и того...

– Ага, – хмыкнула я, – он же мертвый был.

– Ты думаешь? – горько вздохнула бабка, а Юрий заерзал на подоконнике.

– И ничего не мертвый, – загнусил сосед, – мертвые на джипах не ездят. Живой он, и напрасно вы, Варвара Васильевна, себя беспокоите...

– Молчи, – рявкнула бабка и вновь обратилась ко мне: – Василиса, что ж нам делать-то? В милицию заявлять? А ну как мужик живой? Явится и нам тут такое устроит...

– Вот-вот, – закивал Юрий. – На джипах крутые ездят, а мы его в покойники... Квартыры лишимся, – заявил он не к

месту, а бабка заплакала.

Вынести это зрелище я не могла и метнулась было к телефону, чтобы позвонить в милицию и разом прекратить все это, но замерла на полпути: знать бы, чья Шляпа лежит в багажнике, а ну как наша-то гуляет, а Володя убил совсем нам неведомую. И тут в голову мне пришла вполне здравая мысль: Володя вел себя неправильно. Убив человека и запихнув его в багажник машины, не оставляют ее открытой, да еще с ключами на коврике, и уж тем более не раскатывают с трупом по городу, и не предлагают мне забрать одеяло, которым этот самый покойник прикрыт. Господи, боже мой, а что, если Володя знать не знает, что у него труп в машине?

– Мне надо подумать, – пробормотала я и на негнущихся ногах отправилась в свою комнату. Как же я сразу не поняла: Володя здесь ни при чем, труп в багажник ему подсунули. Кто? Убийца, естественно. Развернувшись точно на середине своей комнаты, я зашагала в кухню и, не обращая внимания на застывших, точно изваяние, соседей, заварила себе кофе. Я где-то читала, что кофе стимулирует работу мысли. Надо признать, лишними мыслями я себя никогда особенно не утруждала и сейчас чувствовала себя не совсем уверенно. Я проществовала с чашкой кофе к себе в комнату и попыталась сесть в кресло. Говорю «попыталась», потому что осуществить задуманное до конца не удалось, в крайнем напряжении я пялилась на стену напротив и про чашку в руках ненадолго забыла, в результате кофе выплеснулся, а я

заорала. На моих безупречно белых шортах появилось весьма неприятное пятно. Преодолевая боль от ожога, я переоделась и пошла в ванную, шорты надо было спасти, то есть срочно застирать, а физическая работа очень успокаивает.

Я налила в таз воды, сунула в нее шорты, и тут мысль заработала во мне со страшной силой. Где-то минут через десять стало совершенно ясно: Володя о трупе не знает, а когда я ему скажу... вот именно, труп или еще не труп сидел у нас в кухне, и мои соседи утверждают, что привела его я. Если труп зовут Колей и он тот самый тип с бультерьером, то выходит, что в самом деле я. Хотя я понятия не имею, как он здесь вообще мог появиться. Ох, мама моя, бабка Шляпу выпихнула на лестничную клетку, а потом он в багажнике оказался. Тут для милиции все просто: это я сама его в багажник и засунула, ключи, кстати, у меня были. А если я все это проделала, то дураку ясно, что убила тоже я.

Призрак длительного тюремного заключения отчетливо замаячил на моем горизонте. Я в изнеможении опустилась на край ванны, чувствуя, как по щекам горохом катятся слезы. Что же теперь делать? Звонить в милицию или нет? С одной стороны, позвонить я просто обязана, хотя папа всегда твердит мне: «Не вмешивайся», а папа жизнь прожил и знает, что к чему (это тоже его слова). С другой стороны (и это самое неприятное), сообщая в милицию о трупе, я тем самым доношу на саму себя. Если б я чего-нибудь могла вспомнить из событий прошлой ночи, тогда еще куда ни шло. Я помню,

что мы с Володей приехали, помню соседа Сашку, а дальше все смутно и урывками. И если мне скажут: «Вот ты в пьяном бреду в кухню вышла и дружка того...» – я ведь отрицать осмысленно ничего не смогу, потому что действительно могла выйти и в самом деле... того. Хотя с какой стати?

Слезы становились все обильнее, а мысли горше. И тут мелькнуло вдали что-то вроде робкой надежды – может, не стоит никуда звонить и вообще... может, все само как-нибудь обойдется? В конце концов, труп в багажнике не моей машины, а Володиной, вот пусть у него и болит голова. А когда он его найдет и в милицию сообщит, им придется еще доказать, что его в багажник запихнули возле моего подъезда. А если его Шляпа вовсе не Шляпа с бультерьером, то я и вовсе ни при чем.

Согласна, такие мысли не делали мне чести как человеку и гражданину, и я объясняю внезапное помутнение моей гражданской совести тем, что ранее обнаруживать трупы в багажнике мне не приходилось и я малость растерялась. Тут и очередная мысль не замедлила явиться: что, если Клавдия кое-каким зрением все же располагает и в самом деле видела Шляпу с Нинкой из тридцать седьмой квартиры? Если у Нинки пропал кавалер, тогда у меня появляется шанс. Допустим, он перепутал ее квартиру с нашей, взял да и умер в кухне, или не умер (вопрос остается открытым), вновь оказавшись на улице, заскучал и забрался в чужой багажник, или неизвестные злоумышленники его, например, ограбили,

а потом засунули в машину. Нинку стоит навестить, – по крайней мере, буду знать, ее Шляпа лежит в багажнике или все же это Коля с бультерьером.

Я торопливо закончила стирку, повесила шорты на веревку. Юрасик с бабкой все еще топтались в кухне и делали вид, что пьют чай. Не обращая на них внимания, я, насвистывая популярную мелодию, прошла в прихожую, бабка тут же выглянула, но не сказала ни словечка, хотя в другое время не преминула бы заметить, что в квартире свистеть вредно, все деньги высвистишь, и свои, и чужие.

Я поднялась этажом выше и решительно нажала на кнопку звонка квартиры тридцать семь. Стояла гнетущая тишина, лишь кот внизу противно взвизгнул, свалившись с батареи, вслед за этим с легким скрипом открылась дверь нашей квартиры, и я, перегнувшись через перила, смогла лицезреть взлохмаченную голову Юрасика, он смотрел на меня не мигая, после чего зловещим шепотом сообщил:

– Васена, она с полчаса как на такси уехала.

Чертыхнувшись, я вернулась в квартиру и укрылась в своей комнате. Сомнения меня не отпускали, и правильного решения я не находила. В какой-то момент гражданская совесть вдруг вернулась ко мне, и я устремилась к телефону, но по дороге сообразила: прежде чем сигнализировать в милицию, не худо бы предупредить хозяина машины, что сейчас подъедут за трупом. Я собралась позвонить Володе, но тут выяснилось, что бумажка с номером телефона лежит в

кармане шорт. Бумажка нашлась, но номер из-за стирки был неразличим. Я вновь заревела, теперь уже от досады. Потом звонить в милицию мне расхотелось, а еще спустя полчаса Володя вновь показался мне ужасно подозрительным, и я начала опасаться за собственную жизнь. Нет уж, пусть думает, что мне о трупе ничего не известно.

В отчаянии я устроилась на подоконнике, таращась в окно, за которым, по большому счету, не было ничего интересного.

Где-то через час во двор въехала машина и остановилась возле нашего подъезда. Я увидела, как из машины выходит Нинка, спрыгнула с подоконника и потрусила к входной двери, намереваясь перехватить соседку на лестнице. Нинка уже торопливо шагала по ступенькам. Ее оранжевые волосы торчали в разные стороны, глаза были так подведены, что их цвет даже не угадывался, а фиолетовая помада придавала Нинкиному облику нечто потустороннее. Говоря по-просту, она напоминала выходца с того света. Ко всему прочему, у Нинки были прыщи. Жила она здесь довольно давно, и, сколько я ее помню, прыщи не покидали ее, хотя она активно с ними боролась. Раза два Нинка обращалась с этой проблемой ко мне, я пробовала ей втолковать, что я ветеринар, а не косметолог, но Нинка особой разницы не видела. В настоящее время прыщи украшали ее скулу. Она пыталась их загримировать, потратив грамм сто тонального крема, и левая половина ее лица напоминала маску, Нинка старалась

ее не беспокоить и говорила практически не раскрывая рта.

– Привет, – сказала она, подняв голову.

– Привет, – вздохнула я. Нинка поднялась еще на восемь ступенек и оказалась рядом со мной. – Опять прыщи? – кивнула я, желая начать светский разговор.

– Заколебали... Девка одна сказала, керосином хорошо. А где его взять-то?

– Керосином не надо, – испугалась я. – Ты лучше... – Тут я совсем смешалась и, решив не тянуть кота за хвост, спросила без политесов: – Нинка, к тебе вчера кто приходил?

– Когда? – в свою очередь спросила она.

– Вечером. Ты на джипе с мужиком подъехала, в плаще и шляпе.

– Спятила совсем? Какой плащ, какая шляпа? Глаза разуй: лето на дворе.

– Чего ты орешь? – обиделась я. – Вчера было прохладно. Я сама в куртке ходила.

– Ну и ходи...

– Ну и хожу. Так что за мужик?

– Твое какое дело? – вдруг рявкнула она, а глаза ее испуганно забегали. – Не было никакого мужика, чего ты выдумываешь?

– А джип? Джип был? У моего знакомого тоже джип. Черный. А у твоего какой?

– Вот, дура, привязалась, – Нинка попыталась обойти меня, но я тоже страшно разозлилась и потребовала:

– Говори, что за мужик, не то я тебя с лестницы спущу...

– Чего пристала? – захныкала Нинка. – Одна я приехала.

Я была убеждена, что она врет, и сурово пресекла ее при-

читания:

– Я сама видела. И наша Варвара тоже видела.

– Ну и что? – нахмурилась Нинка.

– Ничего, – подумав, ответила я. – Кто он и куда делся?

Нинка потеряла нос и задумалась. Я ее не торопила и, ска-

зать по правде, малость расслабилась, не ожидая от сосед-

ки решительных действий, но сделала это, как оказалось,

напрасно – Нинка дернула меня за руку, я пробежала по

ступенькам вниз, прежде чем смогла остановиться, ухватив-

шись за перила, а она понеслась вверх. Конечно, я побежа-

ла за ней и непременно бы ее настигла, если б Юрасик, весь-

ма не вовремя, не распахнул нашу дверь. Я опять скатилась

вниз, а он, выглядывая из-за двери, испуганно спросил:

– Васена, ты чего, а?

Чертыхнувшись, я вновь начала подъем, но Нинка меня

опередила и захлопнула дверь перед самым моим носом. Это

было очень обидно. Я погрозила кулаком Юрасику, потом

позвонила в Нинкину дверь, потом пнула ее ногой и прокри-

чала:

– Не будешь же ты там всю жизнь сидеть? Скажи только,

мужик твой жив или нет? – Нинка не ответила, я еще немно-

го постояла возле ее двери и, тяжело вздохнув, пошла к себе.

– Ну, чего? – жалобно спросил Юрасик, который все это

время подждал меня на лестничной клетке.

– Отвянь, – отрезала я.

Так ничего и не решив в тот вечер, я легла спать. Только-только сомкнула я утомленные веки, как в дверь поскребся сосед, чуть приоткрыл ее и зашептал:

– Васена, Нинка куда-то собралась. Такси у подъезда, а она мимо нашей двери – шашть.

Забыв про сон, я вскочила, натянула джинсы (сплю я в футболке) и в комнатных тапочках устремилась в подъезд. Когда я выскочила на улицу, такси как раз покидало двор, так что можно было не торопиться. Но тут, точно по мановению волшебной палочки, во дворе появились «Жигули» Сашки-соседа, разумеется, вместе с ним самим. Я бросилась им наперерез, хотя с трудом могла бы объяснить, с какой стати рискую жизнью, то есть что за нужда у меня гнаться за такси, в котором куда-то отправилась Нинка.

Объяснениями я себя не очень утруждала, Сашка затормозил, я распахнула дверь, хлопнулась на сиденье рядом с ним, бормоча:

– Давай за такси.

Сашка, как и я, себя разными мыслями также не очень-то обременял. Он развернулся и почесал за такси, как ошпаренный. Когда мы выехали на проспект и стало ясно, что такси от нас не уйдет, он спросил:

– В чем дело-то?

– Нинка уходит, – хмуро отозвалась я.

– Какая?

– Из тридцать седьмой квартиры.

– А она тебе очень нужна?

Я покосилась на Сашку, прикидывая, стоит ли ему рассказывать, поделиться, так сказать, наболевшим? Но тут же вспомнила о милиции, возможных неприятностях и со вздохом решила, что Сашка всего этого не заслужил.

– Спросить кое-что хотела... – После такого ответа Сашка вопросов больше не задавал, а тут и такси, свернув на улицу Николаева, притормозило возле ничем не приметного двухэтажного дома. Нинка вышла и торопливо скрылась в первом подъезде, но такси продолжало стоять, и мы тоже остановились, приткнувшись возле детских качелей.

Прошло минут пятнадцать, Сашка курил и весело поглядывал на меня. Меня это немного смущало.

– Интересная у тебя жизнь, Василиса. Ты то по лестнице подняться не можешь, то соседку выслеживаешь, – наконец сказал он.

– Отцепись, – разозлилась я. Сашка засмеялся, а я, подумав, спросила: – Сашка, когда ты меня в квартиру вносил, мужика на нашей кухне не заметил?

– Мужика? – поднял он брови. – Нет. Я в кухню не заглядывал, но свет там горел, это точно. А что за мужик? – спросил он, но в этот момент из подъезда вышла Нинка в компании молодого человека в джинсах и темной футболке. Молодой человек был высок, худ, бледен, тоже в прыщах и

почему-то казался смертельно больным. Круги под глазами, запавшие щеки и даже ярко-красные прыщи на фоне сероватой кожи прозрачно намекали на какую-то хворобу, затаившуюся в его организме. Впрочем, несмотря на худобу, в парне чувствовалась сила, и двигался он не без изящества. В общем, вопрос о заболевании оставался открытым.

Нинка села в машину, но ее спутник за ней не последовал. Захлопнул дверь, помахал ей, улыбаясь, такси плавно тронулось с места. Мы двинулись за ним, дождавшись, когда парень скроется в подъезде.

– Куда теперь? – полюбопытствовал Сашка.

– За ними, – пробормотала я.

– Понятное дело, – кивнул сосед. – Только предупреждаю сразу: бензина надолго не хватит, видишь, лампочка горит.

Лампочку я, конечно, видела и затосковала, а ну как правда бензин в самый неподходящий момент кончится? Но волновалась я напрасно, вскоре стало понятно: Нинка возвращается домой. Такси нырнуло в подворотню, мы следом, и через минуту я уже видела Нинку, входящую в наш подъезд. Не дожидаясь, когда машина остановится, я распахнула дверь и заорала: «Стой!» Нинка вздрогнула и бросилась бежать, но ключи у нее были в сумке, потребовалось время, чтобы извлечь их, а этого времени мне хватило, чтоб настигнуть ее.

– Будешь говорить? – рявкнула я, хватая ее за локоть.

– Отстань, дура, – завопила Нинка на весь подъезд. – Чего

тебе надо? Я сейчас милицию вызову.

Упоминание о милиции произвело на меня самое удручающее впечатление. Действительно, вызовет Нинка милицию, и они, чего доброго, решат, что я своего покойника на соседку сваливаю, то есть свою вину, конечно.

Локоть ее я выпустила и миролюбиво предложила:

– Ты только ответь: жив он или нет.

– Конечно, жив, – кусая губы, сказала Нинка и перешла на шепот: – Жив. Человек он в городе очень даже известный, не могу же я налево-направо трепать его честное имя...

– Вот оно что, – вздохнула я. Конечно, Нинка в ночном клубе работает, а там народ разный... – Ты извини, – вторично вздохнула я, – значит, твоя Шляпа жива-здорова...

– Чего ему сделается?

– А ты точно знаешь?

– Что?

– Ну, что с ним все в порядке?

– Конечно. Я же ему звонила. Отвяжись, – жалобно попросила Нинка, я кивнула и стала спускаться по лестнице, а она поспешно скрылась в квартире.

Тут в подъезде появился Сашка. Гараж у него был в соседнем дворе, оттого он и задержался.

– Ну что, догнала Нинку? – спросил он.

– Догнала.

– Поздравляю.

– С чем?

– Как с чем? Ты ж ее догнала.

– Дурак ты, Сашка, – обиделась я. – У меня такое...

– Чего такое? – сразу же наострил он уши, а я только рукой махнула:

– Ничего.

– Не дом, а Версаль какой-то, – хмыкнул он. – Сплошные тайны. Один придурок машину между гаражей бросил. Пришлось кругами кататься через соседний двор.

– Какую машину? – насторожилась я.

– Хорошую. «Ленд-Крузер». Слыхала о такой? Может, угнали? – в раздумье спросил Сашка, а меня точно подбросило.

– Джип. Неужто тот самый? Цвет какой? – спросила я.

– Черный.

– А где он?

– Между гаражей стоит.

– Пойдем, посмотрим.

– Зачем? Я его уже видел.

– А я нет.

Кончилось тем, что Сашка пошел к себе домой, а я направилась к гаражам смотреть джип.

Джип в самом деле стоял там, где сказал Сашка. По виду он был пустой, но клясться я бы не стала, памятуя последние события. Наверное, его подогнали со стороны проспекта, убедились, что впереди тупик, и бросили. Вокруг полно домов, и то, что джип имеет какое-то отношение к ночным

событиям, это еще большой вопрос. К тому же хозяин мог просто ненадолго оставить его и в любую минуту вернуться.

Я тревожно огляделась, но поблизости не было ни души, тогда я взяла и подергала за ручку, дверь не открылась. Еще три ручки я подергала с тем же результатом, вторично огляделась и отправилась восвояси.

В общем, погоня за Нинкой и обнаружение джипа никаких видимых результатов не дали, передо мной стоял все тот же проклятый вопрос: что делать? В конце концов я решила, что утро вечера мудренее, и легла спать.

Стемнело, Юрик громко вздыхал на кухне, а бабка дважды покидала свою комнату, обращаясь к соседу с вопросом:

– Юрик, ты один здесь? – Как видно, боялась, что Юрик опять кого-нибудь притащит. Сосед выглядел пришибленным и по-прежнему почти трезвым, и это тоже беспокоило.

Наконец мне удалось уснуть, но и во сне мне являлись то джипы, то шляпы, то наряд милиции, то встревоженная бабка, так что, когда я утром пробудилась, ничего мудреного мне в голову не пришло. Стало даже хуже – реши теперь я позвонить в милицию, пришлось бы объяснять, почему я не сообщила о трупе сразу. И Володю не предупредишь, во-первых, у меня нет его телефона, во-вторых, он сегодня улетает в Питер, а может, уже улетел. Когда Володя вернется, неизвестно, а все это время в багажнике его машины...

Я тяжело вздохнула, почесала в затылке и, позвонив в спра-

вочное, попросила телефон городской автоинспекции. Дежурный ответил сразу же, я назвала номер джипа и бодро поинтересовалась: не ищет ли его кто? Дежурный о пропаже ничего не знал, но номер записал, а я сбегала к гаражам и убедилась, что джип там все еще стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.